

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

Искусство

1898 г. 2-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18-го Января.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ уходу г. Шостаковскаго —
Замѣтка. Надъ свѣжей могилой. — Изъ прошлаго
англійскаго театра В. Генкена. — Закулисныя впечатлѣнія Л. Н. Толстого. — Англійская художественная выставка Художника. — Первый народный концертъ И. Ки-скаго. — Хроника театра и искусства. — Театральныя замѣтки А. К-ля. — Исторія одной натуры І. Ясинскаго. — За границею. — Корреспонденція изъ Рима Джандуа. — Театральныя

№ 3.

провинція. — Провинціалъ въ лѣтопись. — Репертуаръ. — Объявленія. Рисунки: Ревизоръ на сценѣ «Осуге». «Отравленная совѣсть» рис. худ. Попова, 2 иллюстр. худ. Л. Бакста (къ разсказу). Портреты: Далматова, Горбунова, Эмиля Зауэра, Пабло Сарзате, гр. А. Д. Шереметева, Ирвинга, и Никитиной. Литературно-Драматическій Отдѣлъ: «Золотая Ева», ком. Шентана.

Принимается подписка на 1898 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на годъ 6 р.

„ „ полгода 4 „

Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ и по 2 рубля 1-го Марта и 1-го Юня. См. стр. 69.

С.-Петербургъ, 18-го января.

Слухъ о выходѣ въ отставку г. Шостаковскаго, основателя и руководителя московскаго филармоническаго Общества, къ сожалѣнію, оправдался и отставка эта, подробности которой сообщаются въ письмѣ нашего московскаго корреспондента, въ настоящее время составляетъ уже совершившійся фактъ. Извѣстіе это, безъ сомнѣнія, искренно и глубоко огорчить лицъ, интересующихся судьбами музыкальнаго дѣла въ нашей Первопрестольной.

Среди всѣхъ отраслей общественной дѣятельности, музыкѣ у насъ сравнительно повезло, въ томъ смыслѣ, что здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ нашей общественной жизни, проявились въ широкихъ размѣрахъ частная инициатива и энергія. Личному почину А. Г. Рубинштейна обязаны мы возникновеніемъ и развитіемъ такого крупнаго и сложнаго учрежденія, какъ Русское Музыкальное Общество, съ его многочисленными отдѣленіями, консерваторіями и музыкальными школами. Благодаря желѣзной волѣ и беззаветному самоотверженію великаго піаниста, это учрежденіе, получая лишь весьма скромное пособіе отъ правительства,

сумѣло не только взять въ свои руки все дѣло музыкальнаго образованія въ Россіи, но и при помощи своихъ концертовъ, симфоническихъ и камерныхъ, сдѣлалось также могущественнымъ проводникомъ здраваго музыкальнаго вкуса и художественныхъ идеаловъ. Что это было дѣломъ именно личной инициативы, доказываетъ та прискорбная реакція, которая наступила въ дѣятельности Общества послѣ смерти А. Г. Рубинштейна.

Нѣчто сходное, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, проявилъ г. Шостаковскій. Неудовлетворенный нѣкоторыми отрицательными сторонами дѣятельности московской консерваторіи, онъ создаетъ въ Москвѣ филармоническое Общество, учреждаетъ при немъ училище, не уступающее консерваторіи, заводитъ концерты, подчасъ затмѣвающие своимъ блескомъ симфоническія собранія Русскаго Музыкальнаго Общества. Не страшась конкуренціи съ Русскимъ Музыкальнымъ Обществомъ, онъ отважно вступаетъ съ нимъ въ бой и изъ этой неравной, на первый взглядъ, борьбы выходитъ съ блестящимъ триумфомъ побѣдителя. Немалое число нашихъ сценическихъ и музыкальных дѣятелей вышло изъ училища московскаго филармоническаго Общества. Благодаря г. Шостаковскому, Москва имѣла возможность переслушать множество выдающихся западно-европейскихъ музыкальных знаменитостей и громадное число музыкальных новинокъ, о которыхъ мы, кичливые своею мнимою культурностью петербуржцы, едва знаемъ, да и то лишь по наслышкѣ. Духъ соревнованія—величайшій стимулъ прогресса и совершенствованія. Въ этомъ смыслѣ, филармоническое Общество сыграло для Москвы великую роль, не только возбуждая жизнѣдѣтельность московской консерваторіи, но и служа существеннымъ исполненіемъ концертной дѣя-

тельности Русскаго Музыкальнаго Общества. Заслуга, безспорно, немалая.

Плодотворная и живая дѣятельность г. Шостаковскаго даетъ ему право на искреннюю признательность русскаго общества. Оглядываясь назадъ на пройденный путь, онъ можетъ съ полнымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія сказать: *feci quod potui, faciant meliora potentes*.

Къ сожалѣнію, создавъ филармоническое Общество, г. Шостаковскій не подготовилъ себѣ достойнаго преемника, который могъ бы, по крайней мѣрѣ, удержатъ Общество на достигнутой высотѣ. Современная дѣйствительность не свидѣтельствуешь о переизбыткѣ общественныхъ дѣятелей, соединяющихъ высоту помысловъ съ закаломъ мужественной воли, и уходъ крупнаго дѣятеля невольно внушаетъ опасенія относительно будущихъ судебъ учрежденія, взлелѣяннаго его трудами и энергіею. Примѣръ, Русскаго Музыкальнаго Общества на лицо. Что стало съ его славными традиціями, послѣ смерти А. Г. Рубинштейна? Что прикрываетъ собою теперь его знамя, нѣкогда осынявшее высокое служеніе искусству? И не оживдаются ли подобный же упадокъ и московское филармоническое Общество?

Нижс, въ хроникѣ, читатели найдутъ со словъ московскихъ газетъ замѣтку о проектѣ «Общедоступнаго театра» въ Москвѣ. Не можемъ не отмѣтить, что проектъ гг. Вл. Немировича-Давченко и Алексѣева примыкаетъ вполне къ высказаннымъ нами неоднократно соображеніямъ. Театръ предполагается назвать «Городскимъ», и московская дума склонна именно взять театръ въ свое завѣдываніе.

Такимъ образомъ, хотя хорошія идеи возникаютъ въ Петербургѣ, но толкъ выходитъ въ Москвѣ. Впрочемъ, едва ли можно было ожидать чего-нибудь серьезнаго отъ такихъ инициаторовъ, какъ г. Кремлевъ, и отъ такой думы, какъ наша. Г. Кремлевъ въ самое серьезное дѣло вноситъ какой-то отбѣнокъ безпредметной суеты. Что же до думы, то у нея слишкомъ много своего собственнаго дѣла, слишкомъ мало инициативы, а быть можетъ, и слишкомъ мало денегъ... А жаль... Въ Петербургѣ «городской» театръ могъ бы дать больше, чѣмъ въ Москвѣ.

Нашъ номеръ былъ уже приготовленъ къ печати, когда мы получили поздно вечеромъ въ пятницу сообщеніе о смерти М. Т. Иванова-Козельскаго, послѣдовавшей въ той самой больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, гдѣ покойный провелъ столько времени, медленно исходя, если можно такъ выразиться, смертью...

Недостатокъ времени не позволялъ намъ дать подробную характеристику покойнаго, и мы надѣемся восполнить этотъ пробѣлъ въ слѣдующихъ номерахъ. Что сказать сейчасъ надъ неостывшимъ трупомъ? Для театра Ивановъ-Козельскій умеръ давно, и невольно сердце сжималось горестью, когда приходилось читать о послѣднихъ годахъ его жизни, такихъ безсмысленныхъ, такихъ злыхъ въ своей безсмысленной жестокости. Ивановъ-Козельскій былъ талантъ крупный, яркій, самородный. Его погубили распушенность русскаго нрава, отсутствіе дисциплины въ характерѣ, отсутствіе школы, и пожалуй, театра... Его гармоническій, теплый голосъ, проникавшій до глубины души, и эти живописныя подробности, которыя онъ находилъ во всякой роли, едва ли путемъ изученія, а вѣрнѣе, чутьемъ артистической души—все это надолго, на-

всегда запечатлѣлось въ памяти тѣхъ, кто его видѣлъ. Заграницей такіе таланты окружены міровою славой. Это—Сальвини, Мунэ Сюлли. У насъ—они только Ивановы-Козельскіе, которымъ даютъ «дебютъ» на казенной сценѣ, да еще не всегда и принимаютъ. Впрочемъ, не съ цѣлью осужденія говоримъ мы это. Ибо если огромный талантъ покойнаго въ всякаго сомнѣнія,—кто возьметъ на себя смѣлость сказать, что таково же было его профессиональное совершенство?..

Такъ жилъ, регрессируя, этотъ колоссальный талантъ,—такъ и умеръ онъ, регрессируя въ своей жизнеспособности. Надъ могилой его вѣмъ русскимъ актерамъ надо крѣпко задуматься. Если онъ, такой одаренный, такой безпримѣрно талантливый, столь мало совершилъ—какъ же мало совершаютъ люди, скромно надѣленные природой? И въ чемъ же гений, какъ не въ создающемъ трудѣ? Въ чемъ же міръ, какъ не въ укрѣпленіи и напряженіи воли?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ контору журнала поступаетъ не мало требованій полныхъ экземпляровъ журнала за 1897 г. Такъ какъ нѣкоторые номера разошлись, то редакция ОТКРЫВАЕТЪ ПОДПИСКУ на 2-е изданіе журнала за 1897 г. и приглашаетъ желающихъ присылать заявленія, причемъ цѣна за годовой экземпляръ со всеми приложеніями назначается 5 р.

Ближайшими приложеніями предполагаются слѣдующія пьесы: новая оригинальная комедія „Маріана Ведель“, шедшая въ бенефисъ М. Г. Савиной, „Ноктюрнъ“ О. К. Нотовича, новая комедія И. Н. Поттенико: „На лонѣ природы“. Объявлена въ журналъ новая пьеса К. И. Фоломьева (автора „Злой ямы“) — „Въ деревнѣ“.

Изъ прошлаго англійскаго театра.

(Вмѣсто предисловія).

Русской публикѣ часто говорятъ о французскомъ театрѣ, иногда о нѣмецкомъ, но почти никогда объ англійскомъ. Намъ скажутъ: „Полно! Существуетъ-ли такой?“ Да, существуетъ. Тридцать лѣтъ назадъ, отрицательное отношеніе къ англійскому драматическому гению имѣло свое основаніе. Теперь—ровно никакого.

Но, еслибы даже сцена великаго народа, имѣющаго замѣчательныхъ романистовъ, безсмертныхъ поэтовъ и гениальныхъ философовъ, и государственныхъ дѣятелей, представляла бы пустыню, то и тогда, самъ по себѣ, фактъ такого духовнаго безсилія и такой незадачи въ области драмы должны были-бы заинтересовать серьезную критику, навести, какъ говорится, на размышленія. По какимъ законамъ психо-

логическимъ, эстетическимъ и социальнымъ англосаксонская раса, давшая міру Шекспира, въ то время, когда численность ея не превышала трехъ милліоновъ, и она сама составляла ничтожную часть нашей планеты, не можетъ теперь, когда народонаселеніе Великобританской имперіи увеличилось въ сорокъ разъ и она властвуетъ въ нѣкоторыхъ родахъ надъ твердью и сущью, не можетъ ничего дать міру, кромѣ клоуновъ и танцовщицъ, фееріи и балета?..

Въ такомъ предположеніи, однако, нѣтъ ни слова правды, и отправная точка зрѣнія здѣсь совершенно ложная, — слѣдовательно, такими же ложными будутъ и выводы. Англійскій театръ существуетъ. Въ немъ чувствуется потребность, и предложеніе удовлетворяетъ спросъ. И что гораздо важнѣе, будущее его представляется еще въ болѣе отрадномъ свѣтѣ. Есть основаніе думать, что британская сцена переживла болѣзнь дѣтскаго періода, опасность дурного вліянія, періодъ вульгарности и антихудожественной чувствительности. Ростъ ея совершается медленно: англійскіе авторы идутъ пока ощупью: ихъ первые шаги отличаются неувѣренностью; всякій шагъ впередъ покупается тяжелой цѣной. И все же, среди всѣхъ преградъ и препонъ, драма не только живетъ, — она растетъ и начинаетъ цвѣсти.

Двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, трудно было рѣшить, насталъ ли въ Англіи процессъ возрожденія, или паденія? Присутствуемъ-ли мы при началѣ, или при концѣ? Многіе знатоки и театральные критики со вздохомъ поднимали глаза къ небу и говорили о театрѣ, какъ о дорогомъ покойникѣ; говорили о прошломъ, какъ о золотомъ вѣкѣ. Въ настоящее время, пессимистовъ что-то не видать: ихъ замѣнили такіе же несносные и восторженные эпигоны, протестующіе противъ всякаго стремленія къ новизнѣ, противъ всякихъ попытокъ къ обновленію, противъ всякаго порыва молодости, противъ естественнаго для нея задора и смѣлости. Но ихъ не слушаютъ. Всѣ согласны, что для англійской сцены настали лучшіе дни; и многіе вѣрятъ, что будущее будетъ еще ярче и свѣтлѣе.

Двадцать — тридцать лѣтъ назадъ, двѣнадцать лондонскихъ театровъ пустовали; теперь ихъ въ три раза больше, и они всегда переполнены; тогда актеры были жалкими нищими; теперь — они артисты: самые даровитые и прославленные изъ нихъ не знали, какъ перебиться со дня на день, куда преклонить голову; теперь простыя полезности имѣютъ свои дома и виллы.

Въ 1835 г. извѣстный авторъ продалъ директору „Адерли“ Ятсу, болѣе десяти томовъ своихъ драматическихъ произведеній въ полную собственность для исполненія въ Лондонѣ и провинціи за семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ; въ 1884 году, одна изъ сезонныхъ пьесъ, имѣвшая успѣхъ, принесла счастливому автору, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, десять тысячъ фунт. (около ста тысячъ рублей). Правда, мы считаемъ здѣсь и Англію и Австралію; на долю однихъ провинціальныхъ театровъ приходится при этомъ, по точному расчету, около тридцати тысячъ рублей. Такая оцѣнка успѣховъ драматургіи будетъ, конечно, грубой; но она очень важна. Авторскіе доходы не создаютъ гениевъ, но они поощряютъ талантъ, и не даютъ погибать начинающимъ дарованіямъ. Почему же собственно, иностранцы въ томъ числѣ и русскіе, плохо знакомы съ англійскимъ театромъ? Для того, чтобы узнать про послѣднюю рѣчь лорда Салсбюри, достаточно купить газету; достаточно зайти въ книжный магазинъ Уоткина или Вольфа, чтобы купить рассказъ Киплинга, романъ Стівенсона, этюдъ Рескина, или книгу Кар-

лейля. Советамъ иначе обстоитъ дѣло съ пьесами. По соображеніямъ, далеко не литературнымъ, и даже исключительно, коммерческимъ, онѣ появляются въ печати только тогда, когда сняты съ репертуара; или наконецъ советамъ не появляются на книжномъ рынкѣ. Что же дѣлать? переселиться въ Лондонъ? Посѣщать лично театръ, какъ это дѣлалъ Филонъ. Но не всякому такой пріемъ, такой способъ критическаго анализа по силамъ, и не для всякаго онъ возможенъ.

Между тѣмъ, чтобы подвести итоги художественной правдѣ репертура, для того, чтобы угадать, на какой ступени стоитъ національное искусство, куда оно идетъ, — кромѣ сравнительнаго метода и знакомства съ репертуаромъ культурныхъ націй, нельзя обойтись также безъ историческихъ справокъ. Только въ перспективѣ прошлаго, мы въ состояніи опѣнить положительныя и отрицательныя стороны настоящаго. Критика не вправе ограничиваться характеристикой литературнаго движенія въ опредѣленный моментъ; она обязана прослѣдить за его образованіемъ и ростомъ. Послѣднее особенно справедливо для англійскаго искусства, и англійскаго театра, такъ долго лежавшаго въ могилѣ, советамъ оужденнаго, и лишь недавно воскресшаго къ новой жизни.

Для насъ, переживающихъ такой же періодъ оскуднѣнія и упадка, и имѣющихъ только гениальныя произведенія въ прошломъ и ничтожный плодъ бездарныхъ и балаганныхъ авторовъ въ настоящемъ, — исторія англійскаго театра является особенно поучительной. Въ ней мы почерпнемъ урокъ, и быть можетъ, извлечемъ выводы и заключенія, не лишеныя интереса.

По мнѣнію знатоковъ англійской сцены, театральная критика въ Англіи распадается на двѣ школы, — на старую и молодую; послѣдняя ставитъ себѣ задачей борьбу съ иностранными теченіями; она стремится къ проповѣди морали, и старается преподавать публикѣ идеалы. Старая же англійская школа развиваетъ взгляды французса Сарсе, съ его теоріей успѣха, во что бы то ни стало, и приспособленія ко вкусамъ аудиторіи.

Мы не можемъ отрицать, что отрѣшеніе отъ иностранныхъ образцовъ принесло пользу англійской націи; въ этомъ отношеніи литературная конвенція, ограждающая права французскихъ авторовъ, овладѣвшихъ было британской сценой, оказалась очень выгодной для національнаго гения Великобританіи. До тѣхъ поръ народъ, давшій жизнь Шекспіру, расточалъ свои силы и способности, въ подражанія Лабішу и Скрибу, и по мѣрѣ того, какъ французское искусство падало и опускалось, вывозъ на заграничные рынки довольствовался все худшими продуктами. Мы говоримъ, конечно, о французской сценѣ, какой она была двадцать — тридцать лѣтъ назадъ, а не о блестящемъ ея возрожденіи за послѣдніе годы. Теперь театральные, такъ сказать, пираты, бравшіе охотно на бордахъ всякій вздоръ, благо онъ ничего не стоилъ и давался легко, задумываются, когда пьѣ приходится расплачиваться своимъ кошелькомъ, и стараются купить только лучшее. Все это такъ понятно, и упускается изъ виду только нашими драматургами и импресарио, предпочитающими жить мародерствомъ, собирая то, чего не сѣяли. Съ 1880 года, англійскій репертуаръ пользуется только лучшими, только избранными иностранными пьесами; только онѣ могутъ переплыть Ламаншъ и встрѣтить гостепріимный кровъ на берегахъ Темзы.

Одинъ изъ убѣжденныхъ поклонниковъ англійскаго театра Филонъ, замѣчаетъ между прочимъ.

„Я знаю, мнѣ скажутъ: „Всѣ эти новыя англійскія драмы — въ концѣ концовъ, далеко не чудо искусства; и нѣтъ надобности имъ спеціально заниматься“. Говорятъ такъ, значитъ заблуждаться. Я не общаю никакихъ чудесъ. Я не приглашаю васъ восторгаться шедеврами. Прежде всего, я не вѣрю въ шедевры. Во-вторыхъ, если безъ нихъ нельзя обойтись, то они явятся впоследствии. Намъ необходимо узнать, какъ варождается новое теченіе въ драматической литературѣ, какъ великій народъ создаетъ для себя новый родъ радости и наслажденія, — и прибавлю нравственности. Передъ нами не только чисто литературное, но и общественное явленіе“.

Последнее мы точно также преслѣдуемъ въ своихъ очеркахъ пзъ прошлаго англійской сцены. Театръ играетъ слишкомъ серьезную роль въ борьбѣ за новые идеалы, за новую болѣе высокую нравственность, въ особенности, въ Англіи. Эволюція театра въ ней — есть эволюція общества. Вотъ почему, мы думаемъ, что наша работа не будетъ ни бесполезной, ни излишней. На чистой вершинѣ искусства театр не знаетъ ни національных, ни терригоріальныхъ границъ.

В. Генкенъ.

Закулисныя впечатлѣнія Л. Н. Толстого *).

Вспоминаю, какъ я былъ разъ на репетиціи одной изъ самыхъ обыкновенныхъ новѣйшихъ оперъ, которая ставится во всѣхъ театрахъ Европы и Америки.

Я пришелъ, когда уже начался первый актъ. Чтобы войти въ зрительную залу, я долженъ былъ пройти черезъ кулисы. Меня провели по темнымъ ходамъ и проходамъ подземелья огромнаго зданія, мимо громкихъ машинъ для перемѣны декораций и освѣщенія, гдѣ я видѣлъ во мракѣ и пыли что-то работающихъ людей. Одинъ изъ этихъ рабочихъ съ сѣрымъ, худымъ лицомъ въ грязной блузѣ, съ грязными рабочими, съ оттопыренными пальцами, руками, очевидно усталый и недовольный чѣмъ то, прошелъ мимо меня, сердито упрекая въ чѣмъ-то другого. Поднявшись вверхъ по темной лѣстницѣ, я выпелъ на подмостки за кулисы. Между сваленными декорациями, занавѣсами, какими-то шестами, кругами стояли и двигались десятки, если не сотни, накрашенныхъ и наряженныхъ мужчинъ въ костюмахъ съ обтянутыми ляжками и икрами, и женщинъ, какъ всегда, съ обнаженными насколько возможно тѣлами. Все это были пѣвцы, хористы, хористки и балетныя танцовщицы, дожидавшія своей очереди. Руководитель мой провелъ меня черезъ сцену и мостъ изъ досокъ черезъ оркестръ, въ которомъ сидѣло человѣкъ сто всякаго рода музыкантовъ, отъ литавръ до флейты и арфы, въ темный партеръ. На возвышеніи между двумя лампами съ рефлекторами сидѣлъ на креслѣ, съ палочкой, передъ юпитромъ, начальникъ по музыкальной части, управляющій оркестромъ и пѣвцами и вообще постановкой всей оперы.

Когда я присѣлъ, представленіе уже началось, и на сценѣ изображалось шествіе индѣйцевъ, привезшихъ невѣсту. Кромѣ наряженныхъ мужчинъ и женщинъ, на сценѣ бѣгали и суетились еще два человѣка въ индѣйскихъ: одинъ — распорядитель по драматической части и другой, съ необыкновенной легкостью ступавшій мягкими башмаками и перебѣгавшій съ мѣста на мѣсто, — учитель танцевъ.

*) Настоящій живописный отрывокъ извлеченъ нами изъ статьи Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» («Вопросы фил. и психол.», ноябрь — декабрь 1897 г.) Прим. ред.

Три начальника эти слаживали пѣніе, оркестръ и шествіе. Шествіе, какъ всегда, совершалось парами съ фольговыми аллебардами на плечахъ. Всѣ выходили изъ одного мѣста и шли кругомъ и опять кругомъ, и потомъ останавливались. Шествіе долго не ладилось: то индѣйцы съ аллебардами выходили слишкомъ поздно, то слишкомъ рано, то выходили вразомъ, но слишкомъ скучивались уходя, то не скучивались, но не такъ располагались по бокамъ сцены, и всякій разъ все останавливалось и начиналось сначала. Начиналось шествіе речитативомъ наряженнаго въ какого-то турка чело-вѣка, который, странно раскрывъ ротъ пѣлъ: «я невѣсту провожда-а-ю». Пропоеетъ и махнетъ рукой — разумѣется, обнаженной — изъ подъ мантіи. И шествіе начинается, но тутъ валторна въ аккордѣ речитатива дѣлаетъ не то, и дирижеръ, повернувшись къ оркестру, набрасывается на валторну, браня его самыми грубыми словами, какъ бранятся извозчики, за то что онъ взялъ не ту ноту. И опять все начинается съ начала. Индѣйцы съ аллебардами опять выходятъ, мягко шагая въ своей странной обуви, опять пѣвцы поютъ: «я невѣсту провожда-а-ю». Но тутъ пары стали близко. Опять стукъ палочкой, брань, и опять съ начала. Опять: «я невѣсту провожда-а-ю», опять тотъ же жестъ обнаженной руки изъ подъ мантіи, и пары, опять мягко ступая съ аллебардами на плечахъ, нѣкоторые съ серьезными и грустными лицами, нѣкоторые переговариваясь и улыбаясь, разстанавливаются кругомъ и начинаютъ пѣть. Все казалось бы, хорошо, но опять стучитъ палочка, и дирижеръ страдающимъ и озлобленнымъ голосомъ начинаетъ ругать хористовъ и хористокъ: оказывается, что при пѣніи хористы не поднимаютъ изрѣдка рукъ въ знакъ одушевленія. «Что, вы умерли, что ли? Коровы! Что, вы мертвые, что не шевелитесь?» — Опять съ начала, опять «я невѣсту провожда-а-ю», и опять хористки поютъ съ грустными лицами и поднимаютъ, то одна, то другая руки. Но двѣ хористки переговариваются — опять усиленный стукъ палочки. «Что, вы сюда разговаривать пришли? Можете дома сплетничать. Вы тамъ, въ красныхъ штанахъ, стаете ближе. Смотрите на меня. Сначала». Опять: «я невѣсту провожда-а-ю». И такъ продолжается часть, два, три. Вся такая репетиція продолжается шесть часовъ сряду. Стукъ палочки, повторенія, размѣщенія, поправки пѣвцовъ, оркестра, шествія, танцевъ и все приправлено злобной бранью. Слова: «ослы, дураки, идиоты, свиньи», обращенныя къ музыкантамъ и пѣвцамъ, я слышалъ въ продолженіе одного часа разъ сорокъ. И несчастный, физически и нравственно изуродованный человѣкъ, флейтистъ, валторна, пѣвецъ, къ которому были обращены ругательства, молчитъ и исполняетъ приказанное: повторяетъ 20 разъ «я невѣсту провожда-а-ю» и 20 разъ поетъ одну и ту-же фразу и опять шагаетъ въ своихъ желтыхъ башмакахъ съ аллебардой черезъ плечо. Дирижеръ знаетъ, что эти люди такъ изуродованы, что ни на что болѣе не годны, какъ на то, чтобы трубить и ходить съ аллебардой въ желтыхъ башмакахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приучены къ сладкой роскошной жизни и все перенесутъ; только-бы не лишиться этой сладкой жизни, — и потому онъ спокойно отдается своей грубости тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ это въ Парижѣ и Вѣнѣ и знаетъ, что лучшие дирижеры такъ дѣлаютъ, что это музыкальное преданіе великихъ артистовъ, которые такъ увлечены великимъ дѣломъ своего искусства, что имъ некогда разбирать чувства артистовъ.

Трудно видѣть болѣе отвратительное зрѣлище. Я видѣлъ, какъ на работѣ выгрузки товаровъ одинъ рабочий ругаетъ другого за то что тотъ не поддержалъ навалившейся на него тяжести или при уборкѣ сѣна староста выругаетъ работника за то, что тотъ невѣрно вывершиваетъ стогъ, и рабочий покорно молчитъ. И какъ ни неприятно видѣть это, неприятность смягчается сознаніемъ того, что тутъ дѣлается нужное и важное, что ошибка, за которую ругаетъ начальникъ работника, можетъ испортить нужное дѣло.

Что-же здѣсь дѣлается, и для чего и для кого? Очень можетъ быть, что онъ, дирижеръ, тоже измученъ, какъ тотъ рабочий; даже видно, что онъ точно измученъ, но кто-же велитъ ему мучиться? да и изъ-за какого дѣла онъ мучается? Опера, которую они репетировали, была одна изъ самыхъ обыкновенныхъ оперъ для тѣхъ кто къ нимъ привыкъ, но одна изъ величайшихъ нелѣпостей, которая только можно себя представить: индѣйскій царь хочетъ жениться, ему приводятъ невѣсту, онъ перерывается въ пѣвца, невѣста влюбляется въ мнимого пѣвца и въ отчаяніи а потомъ узнаетъ, что пѣвецъ самъ царь, и всѣ очень довольны.

Что никогда такихъ индѣйцевъ не было и не могло быть, и что то, что они изображали, не только не похоже на индѣйцевъ, но и ни на что на свѣтѣ, кромѣ какъ на другія оперы, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; что такъ речитативомъ не говорятъ и квартетомъ, ставши въ опредѣленномъ разстояніи, махая руками, не выражаютъ чувствъ, что такъ съ фольговыми аллебардами, въ туфляхъ, парами, нигдѣ, кромѣ какъ въ театрѣ, не ходятъ, что никогда такъ не сердятся, такъ не улыбаются, такъ не смѣются, такъ не плачутъ, и что никого въ мірѣ всѣ эти представленія тронуть не могутъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Невольно приходится въ голову вопросъ: для кого это дѣлается? Кому это можетъ нравиться? Если и есть въ этой оперѣ изрядка хорошенекіе мотивы, которые было-бы пріятно послушать, то можно бы было спѣть просто безъ этихъ глупыхъ костюмовъ и шестей, и речитативовъ, и маханія руками.

Англійская художественная выставка.

Послѣ прошлогодней выставки англійскихъ анималистовъ, выплывшихъ англійская выставка едва ли можетъ особенно понравиться. На первой выставкѣ были интересны вещи, въ смыслѣ понизивъ направленіи свѣжести и смѣлой индивидуальности. На выплывшій выставкѣ приходится отмѣтить почти полное отсутствіе чего либо новаго. Въ выставкѣ не приняли участія даже такіе яркіе представители „прерафаэлитовъ“, какъ Розетти, Бернъ-Джонсъ и др. обратившіе на англійское искусство вниманіе Европы. Остатокъ направленіи, сухость, зализанность письма и законченный классицизмъ — вотъ чѣмъ отличается настоящая выставка... Пожалуй, все это могло быть интересно лѣтъ 20—30 назадъ, но, никакъ не теперь.

Сэръ Пойнтеръ, президентъ Королевской Академіи, являетъ своимъ произведеніемъ яркій образецъ рутиннаго классицизма. Говорить, что выборъ картинъ для выставки произведенъ самолично сэромъ Пойнтеромъ. Если это правда, то становится совершенно понятнымъ, почему на выставкѣ отсутствуетъ новая школа.

Прославившійся Альма Тадема экспонируетъ четыре картины. Отъ всѣхъ четырехъ вѣетъ холодомъ старины и приторной слащавостью. Это — Показовичъ — en grand... Слѣдуетъ сознаться, что Альма Тадема, изъ года въ годъ становится все слабѣе и слабѣе и повторять себя.

Миссъ Анна Альма Тадема еще менѣе меня удовлетворяетъ. Тутъ угад, кромѣ сухости кодерита и робкой, по „чистенькой“ живописи ни о чемъ не приходится говорить.

Покойный лордъ Лейтонъ, бывшій президентъ Королевской Академіи, представилъ одной вещью. Его „Сибилла“ произведеніе безспорно художественное. Лордъ Лейтонъ хотя и принадлежитъ къ родоначальникамъ старой школы, но его мягкое письмо, художественный вкусъ и благородство стили всегда останутся интересными. Ж. Уатъ прислалъ три портрета. Эти произведенія составляютъ украшеніе выставки. Въ особенности мнѣ нравится портретъ сэра Бернъ-Джонса, поразительный по живости выраженіи лица и въ то-же время по простотѣ письма. Его-же „Маркиза Грамби“ написана въ духѣ новой школы, эскизно, недосказано, и въ то-же время поразительно правдиво, пріятно по тональ и оригинально... Третій портретъ того-же автора „Уалтеръ—Кренчъ“ также обращаетъ на себя вниманіе талантомъ исполненія.

Голеномъ Гантъ экспонируетъ „Майскій день.“ Эта картина дышетъ жизнью. — Легкость, воздушность и простота — вотъ ея главные достоинства. Его-же „Тягостный снѣгъ“ отличается тѣмъ-же достоинствомъ, хотя тутъ уже больше придуманности, картинности.

„Молодая вдова.“ Бэкона хотя и трогаетъ зрителя, но въ то-же время неприятна по краскамъ. Чернота дѣлаетъ картину тяжелой и скучной. „Въ тѣни“ Браунинга далеко не лучшее произведеніе этого талантливаго художника. Солнечные лучи на картинѣ очень слабы.

Брепа, портретъ англійскаго посла сэра О'Коннора, нарисанъ довольно заурядно. Колоритъ суховатъ и краски неинтересны.

„Агаръ“ Кальдерона, написана въ угрюмыхъ тонахъ. Желтый краски и условности трактовки сюжета не говорятъ въ пользу вкуса и оригинальности художника.

Чарлтонъ, единственный баталистъ на выставкѣ, ничуть не выше нашихъ „академическихъ“ присяжныхъ баталистовъ. Его двѣ батализмъ картины крайне незатѣливы, а въ фигурахъ всадниковъ не чувствуется движенія.

Дикси „Дѣти короля Карла I“ написаны по женски: робко, аккуратно и умѣренно. Т. Гачъ выставилъ одного „Матинка“. Итальянскіе типы дѣтей на картинѣ довольно живыми, каждый въ отдѣльности, но въ дѣломъ, картина отдаетъ театральностью, натянутостью и „фарфуромъ“...

Ганкера „Христосъ и Магдалина“ вещь интересная. Художникъ вложилъ въ картину много неподдѣльнаго чувства, но опять-таки „ватность“ колорита и зализанности вредитъ общему хорошему впечатлѣнію. Его же „Цирцея“ и совѣтъ напоминаетъ извѣстный куплетъ:

Но природа таровата,
Оказалась просто вата...

Горезъ „Игра въ прятки“ и „Послѣдній поправъ“ безнадёжно скучныя картины, какъ по замыслу, такъ и по исполненію.

Д. Джой выставилъ „Длиннаго въ Бесуаторѣ“. Это рядъ плохихъ портретовъ, а сколько не картина. Такъ и чувствуется, что каждая фигура отдѣльно написана, — нѣтъ связности, нѣтъ общности, словомъ, нѣтъ именно общаго длинноты. Къ этому остается прибавить живопись, напоминающую раскрашенную фотографію.

Кевнеди „Первое преступленіе“, слабая академическая программа, какихъ не мало мы видѣли на ученическихъ выставкахъ „старой академіи“.

Макбэтъ „Возрастъ невпечистости“, непріятно рѣжетъ глазъ вычурностью и пестротой красокъ.

Г. Муръ, покойный членъ Королевской Академіи, былъ хорошимъ маринистомъ. Въ его „Пачетъ въ Саль-Албанъ“ вода прозрачна и хорошо передана бурное настроеніе моря.

„Смерть новорожденнаго“ картина Меррз-Кукеса напоминаетъ наши „передвижническія картины“. Впрочемъ, у англійской художницы болѣе драматизма, а фигура умершаго ребенка дѣйствительно кажется мертвой.

Картина Пикона „Донъ-Кихотъ и Санчо-Пансо“ — каррикатура. Оселъ нарисанъ живо, но у Россинанта чересчуръ уже обломаны ноги.

Присена „Разбитый идолъ“ — вещь тоже академична, классическая, и фривольна, потому именно, скучная.

То-же самое приходится сказать и о С. Соломонѣ, по поводу его „программной“ картины „Ихо и Нарциссъ“.

Тонгомъ „Консультация“, изображающая двухъ сестеръ, милосердія, дающихъ совѣтъ больному, — написана сплошн, въ „чернильныхъ“ тонахъ.

Уотергауза „Безпомянутая прекрасная дама“, картина не безъ претензій на новаторство, но едва ли она идетъ дальше измѣстности.

Этимъ исчерпывается почти все, что сколько-нибудь видѣнется на выставкѣ. Остальное, право, не стоило и приносить издалека.

На выставкѣ также нѣтъ отдѣла гравюръ и рисунковъ, но отдѣлъ этотъ крайне слабо представленъ. Въ заключеніе приходится выразить сожалѣніе, что выборъ картинъ былъ произведенъ Пойнтеромъ, почему на выставку совершенно не попали лучшіе современные представители англійской школы, а представлены тѣ, у которыхъ нашимъ молодымъ художникамъ совершенно нечему учиться.

Художники.

Первый народный концертъ.

Первый общедоступный народный концертъ, устроенный 11 января въ залѣ Городской Думы, доказалъ воочію, какъ велика и постоянна потребность среднихъ и низшихъ классовъ петербургскаго населенія въ музыкально-художественныхъ наслажденіяхъ. Несмотря на то, что анонсы, но обстоятельству, могли появиться лишь за нѣсколько дней до концерта, думскій залъ оказался почти полнымъ, а наиболѣе дешевыя мѣста брались буквально нарасхватъ. Въ публикѣ обычные почитатели концертовъ, т. е. интеллигенція, обрѣтались въ меньшинствѣ. Преобладали разночинный элементъ и нужно было видѣть, съ какими жадными вниманіемъ эта шестридесятная публика, столь мало избалованная въ своихъ эстетическихъ потребностяхъ, прислушивалась къ каждому исполнявшемуся номеру, съ какими искренними удовольствіемъ и почти дѣтскою радостью унывала она образными произведеніями русской музыкальной литературы, съ какими шумными и непритворными восторгами выражала она свою благодарность исполнителямъ. Да, теперь не можетъ болѣе быть сомнѣній: благое начинаніе графа А. Д. Шереметевашло на благодарную почву и

надо только пожелать, чтобы это гуманное, поистинѣ народное дѣло, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ начатое, продолжалось и впредь съ несомнѣннымъ усердіемъ.

Надо отдать справедливость устроителямъ и исполнителямъ: концертъ удался на славу. Начать съ программы. Она была составлена съ такимъ строгимъ и художественнымъ вкусомъ, который дѣлаетъ честь устроителямъ, очевидно, понимавшимъ вполне правильно свою не легкую задачу. Въ программу вошли лишь пьесы русскихъ музыкальных художниковъ, не только отвѣчающія высшимъ музыкальнымъ требованіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне доступныя народному пониманію. Среди исполнителей первое мѣсто должно быть отведено образцовому духовому оркестру графа А. Д. Шереметева, исполнившему рядъ такихъ трудныхъ и отвѣстныхъ произведеній, какъ увертюры къ „Жизни за Царя“ и „Русланъ“, „Казачокъ“ Даргомыжскаго, „Позоветъ изъ „Евгеніи Онѣгина““, „Торредоръ и Андалузка“ Рубинштейна и Маршъ Олоферна изъ оп. „Юдифь“ Строва.

Тотъ, кто вздумалъ-бы судить о духовомъ оркестрѣ графа А. Д. Шереметева по нашимъ военнымъ хорамъ музыки, глубоко ошибется. Это великолѣпный оркестръ съ тщательно подобраннымъ составомъ исполнителей, прекрасно дисциплинированный и послушный самымъ сложнымъ и тонкимъ намѣреніямъ композитора и дирижера. Онъ поражаетъ не только колоссальною мощью своего фортепессимо, но и мягкостью и прозрачностью това въ пианиссимо, что, при внушительной массивности оркестра, достигается съ немовѣрнымъ трудомъ. Оркестръ выполнилъ свои нумера превосходно, а увертюры къ „Жизни за Царя“ и „Руслану“ съ такимъ блескомъ, одушевленіемъ и богатствомъ художественныхъ оттѣнковъ, которымъ позавидовалъ бы заправскій симфоническій оркестръ. Исполненіе оркестровыхъ произведеній вызвало шумные одобренія публики, и дирижеръ, г. Владиміровъ, награжденъ былъ единодушными и продолжительными аплодисментами.

Солитами въ концертѣ выступили: г-жа Чубинская и г-нъ Николаевъ. У г-жи Чубинской красивое контральто, которымъ она владѣетъ вполне музыкально. Не безъ суровости снѣла она балладу изъ „Рогвѣды“ и на bis пѣсню „Телъ „Свѣтлорочи“ Римскаго-Корсакова и пѣсню изъ „Русалки“. Г. Николаевъ обладаетъ высокимъ и пѣвучимъ

нѣсколько народныхъ пѣсенокъ. Мысль въ народномъ концертѣ знакомить публику съ русскими народными мелодіями въ художественномъ исполненіи вполне оправдана и хотя исполненіе кружка г. Привалова далеко уступаетъ великорусскому оркестру г. Андреева, тѣмъ не менѣе его игра доставляетъ удовольствіе. Въ публикѣ же балабачники вызвали неопиcуемый восторгъ.

Въ общемъ, концертъ произвелъ самое отрадное и симпатичное впечатлѣніе, которое объясняется не только художественнымъ исполненіемъ, но также всеобщимъ сознаниемъ, что этимъ концертомъ положено начало великому народному дѣлу, всѣ послѣдствія котораго, въ настоящее время, можетъ быть, даже нельзя предвидѣть и оцѣнить. Это сознание видимо одушевляло всѣхъ присутствовавшихъ и громко высказывалось, во время антракта, въ разнообразныхъ кружкахъ публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду выражалось глубокое уваженіе къ благородному почину г. А. Д. Шереметева. Съ такимъ же сочувствіемъ и признательностью, безъ сомнѣній, отнесется къ великодушному затѣи графа и все образованное русское общество.

И. Кн—ский.

ХРОНИКА

театра и искусства

Московскою конторою Императорскихъ театровъ получено распоряженіе главнаго театральнаго управленія о запрещеніи артистамъ выѣзжать изъ Москвы, во время театральнаго сезона, для участія въ иногороднихъ спектакляхъ и концертахъ. Благодаря такому распоряженію, многіе концерты въ провинціи, въ которыхъ предполагалось участіе столичныхъ артистовъ, не состоятся.

14 января въ женскомъ благотворительномъ обществѣ, Л. Я. Гуревичъ сдѣлала сообщеніе подъ названіемъ „Женщина на сценѣ“. Кромѣ біографическихъ свѣдѣній о Адриеннѣ Лекюверрѣ, Рашели, Ристори, Дузѣ и Саррѣ Бернарѣ, г-жа Гуревичъ разобрала также характерныя черты ихъ художественнаго дарованія. Указавъ на непосредственное вліяніе Расина, Мольера, Вольтера на Рашель и Ристори, г-жа Гуревичъ перешла къ разбору игры современныхъ артистокъ: Сарры Бернарѣ и Дузѣ, высказавъ при этомъ по вопросамъ сценическаго искусства нѣсколько смѣлыхъ приговоровъ. Рефератъ былъ прочитанъ просто и интересно. Аудиторія была полна.

Интересная новость для любителей драматической литературы.

Н. М. Соловьевъ, авторъ „Женщины въ блугинѣ“ и другихъ столь же талантливыхъ, сколько и свѣжихъ пьесъ, написалъ новую четырехъ-актную комедію „Три предложенія“.

Къ юбилею Ф. И. Кшесинскаго 1-го. 15-го января исполнилось шестидесятилѣтіе артистической дѣятельности ветерана нашей балетной труппы Феликса Ивановича Кшесинскаго 1-го. Ф. И. Кшесинскій въ первый разъ выступилъ на петербургской сценѣ въ 1853 году, въ балетѣ „Крестянская свадьба“, поставленномъ прибывшею тогда въ Петербургъ варшавскою польскою труппою. Хотя польская труппа, по составу своихъ артистическихъ силъ, въ общемъ, не уступала петербургской казенной труппѣ, но, благодаря экцентричности своихъ, позныхъ красоты и огня, національныхъ танцевъ, входившихъ въ программу названнаго балета, она сразу завоевала симпатіи петербургскихъ балетомановъ и имѣла большой успѣхъ. Этому успѣху не мало содѣйствовалъ и г. Кшесинскій 1-й, который былъ въ то время въ разцвѣтѣ своихъ артистическихъ силъ и всѣхъ поражалъ своимъ шикомъ, удалью и brio.

Танцы г. Кшесинскаго 1-го, а въ особенности мазурка, на столько понравились публикѣ, что талантливый артистъ, былъ вскоре приглашенъ на казенную сцену, и многія изъ великосвѣтскихъ дамъ стали къ нему обращаться за уроками салонныхъ танцевъ. Съ тѣхъ поръ слава этого

Графъ А. Д. Шереметевъ.

басомъ и отъично фразируетъ. Онъ имѣлъ большой успѣхъ въ арии Шакловитого изъ „Хованщины“ Мусоргскаго и долженъ былъ много пѣть на bis.

Въ концертѣ принималъ участіе также кружокъ любителей игры на балайкахъ подъ упр. г. Привалова, исполнившій со своеобразнымъ пошибомъ и бойкостью

артиста росла у насъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и онъ занялъ въ нашей труппѣ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Г. Кисенискій пользовался въ первые годы своей службы не только славою лучшаго исполнителя экзотическихъ и характерныхъ танцевъ, и яркаго мимико-драматическаго таланта, но и репутаціею блестящаго балетмейстера. Такъ въ 1853 году онъ поставилъ балетъ-феерію въ 3-хъ дѣйствіяхъ (берлинскаго балетмейстера Ого) „Робертъ и Вертрамъ“, выдержавшій десятки представленій и имѣвшій блестящій успѣхъ.

Кстати сказать, г. Кисенискій 1-й, кромѣ лизныхъ своихъ танцевъ, всегда пользовался большою любовью балетомановъ и за свою выразительную мимику, въ которой у него и до настоящаго времени на нашей сценѣ соперниковъ мало. Во время своего 45-лѣтняго пребыванія на казенной сценѣ, онъ переигралъ кѣмъ сотни ролей и какъ большой артистъ и художникъ въ дѣлѣ, создать не мало художественныхъ образовъ, изъ которыхъ всегда останутся въ памяти петербургскихъ балетомановъ: начальникъ бандитовъ Жаконо („Бандерка“), Монтезъ („Донъ-Кихотъ“), Царь Нубійскій („Дочь фараона“) Инно („Пахита“), Ханъ изъ Бал. („Конекъ-Горбунъ“), Халифъ Абдеррахманъ („Зораи“), Клодъ Фроло („Эмеральда“) и др.

Конькомъ же г. Кисенискаго 1-го всегда считалась „мазурка“, а также цыганскіе и венгерскіе танцы. Въ исполненіи г. Кисенискаго цыганскій танецъ въ балетѣ „Дочь свѣтловъ“ вызывалъ бури рукоплесканій; рѣдкій успѣхъ выпалъ на долю этого талантливаго артиста въ балетѣ „Комарго“ (поставленномъ впервые въ бенефисъ Гашевой 17 декабря 1872 г.), гдѣ онъ танцевалъ венгерское рас.

Бенефисъ Ф. И. Кисенискаго состоится 8-го февраля. Программу спектакля мы уже сообщали. Н. Ф.

Великимъ постомъ, по слухамъ, въ Петербургъ пріѣзжаетъ В. П. Далматовъ, приглашенный на рядъ спектаклей въ Малый театръ. Наконецъ-то! *Meux vaut tard, que jamais...*

В. П. Далматовъ.

(въ роли корнета Отлетаева).

Бенефисъ г-жи Савиной. Бенефисъ г-жи Савиной, безъ сомнѣнія, это — событіе сезона. Самый видъ зала заключаетъ въ себѣ пѣноту торжественное. Чувство значительности до такой степени проникаетъ публику, что даже не аплодируютъ. Всякое физическое проявленіе ощущеній есть уже какъ бы свитотатство.

Поставленная въ бенефисъ М. Г. Савиной пьеса „Маріала Веделъ“ состоитъ изъ 5 коротенькихъ картинъ. Она довольно сложна для постановки, если требовать отъ постановки блеска, и очень проста для постановки, если отнестись къ этому вопросу съ философскимъ равнодушіемъ, какъ у насъ, въ большинствѣ театровъ, и относился.

О достоинствахъ и недостаткахъ пьесы въ подробности мы говорить не станемъ. Пьеса эта будетъ впечатлѣна въ приложеніяхъ къ нашему журналу, и читатели будутъ имѣть возможность составить объ ней самостоятельное мнѣніе. Замѣтимъ лишь, что безспорнымъ достоинствомъ этого произведенія должно признать благородный тонъ всей пьесы, отсутствіе рѣзкостей и сочиненности. Фабула проста и незамысловата. Маріала Веделъ, дѣвушка лѣтъ 30, дочь богатаго железнодорожника, влюблена въ служащаго у ея отца, князя Бориса Курбанова, и такъ какъ она отличается настоячивостью и смѣлостью характера, то добивается любви молодого князя съ несомнѣннымъ обычнымъ въ свѣтѣ упрямствомъ. Дѣло доходитъ до того, что она является къ молодому князю вечеромъ, черезъ потайную дверь, въ пеньюарѣ. Потайная дверь сообщаетъ всей сценѣ особую романтическую, хотя, судя по характеру Маріаны,

можно думать, что не будъ потайной двери, она съ такой же рѣшимостью пошла бы въ обыкновенную. Въ это время къ князю является его будущая невѣста, глумливая, по почему то извѣстная его, Мери Олимпиада съ наемнойкой. Разумѣется, присутствіе Маріаны объявляющей себя любовницей князя, разстраиваетъ matrimonіальные планы князя, и въ последнемъ актѣ мы застаемъ его скучающимъ и мрачнымъ. Маріала ухажаетъ съ отцомъ въ Индию и является къ князю просить прощенія. Борисъ простить ее не можетъ, но уже сострадаетъ. Можно думать, что дѣло кончится счастливымъ бракомъ. Я говорю „счастливымъ“, потому что такой кисло-сладкой натурѣ, какъ князь Борисъ Курбановъ, именно и нужна энергическая и сильная жена.

Г-жа Савина, у которой, въ сущности, небольшая роль, была превосходна. а туалеты ея взъѣли глаза блескомъ и вкусомъ. Очень недурно г-жи Пудева, Морева, Абринова, гг. Исарева, Сазонова, Долиновъ и Шевченко. Г. Ге изъ роли въ два слова создалъ, какъ говорится, „типъ“. Зато г-жа Дюжикова 2. въ роли обольстительной Мэри, была сонна и скучна, какъ муха, а г-жа Никитина, изображавшая даму финансовою аристократію и притомъ иностраннаго происхожденія, напомнила развѣ того „иностранища“ Василия Федорова, который красовался на годовой выставкѣ. Любителямъ московскаго сценическаго говора и растягиванія рта до ушей я отъ души советую слушать г-жу Никитину часа по два ежедневно. Это возмѣтитъ свое дѣйствіе.

„Женская Чебуха“ Щеголова — очень веселый водевиль, — дѣлая бомба, начиненная юморомъ и остроуміемъ. Г-жа Савина и г. Горевъ были, по истинѣ, безподобны.

Счетъ пѣтій и подаркамъ я рѣшительно потерялъ. Одно твердо, кажется, помню — бриллиантовъ не было. Въ сущности, оно и „моветонно“. Н. пар.

В. А. Крыловъ ударился въ благотворительность. Почтенный драматургъ отказался отъ гонорара за свою новую пьесу „Разрушенный домъ“, которая шла на-дняхъ въ Маломъ театрѣ, предоставивъ авторскія въ распоряженіе комитета попечительства о домахъ трудолюбія, о чемъ уже и сдѣлалъ заявленіе, куда слѣдуетъ.

На-дняхъ, В. А. Крыловъ уѣзжаетъ въ Орелъ, гдѣ будетъ читать, съ благотворительной цѣлью, свою новую пьесу.

Quand le diable devient éruité...

Благотворительный концертъ, устроенный 10 января въ залѣ Консерваторіи г-жею А. С. Озеровой и княжною М. С. Щербатовою, по составу исполнителей, долженъ быть отнесенъ къ числу выдающихся въ сезонѣ. Въ немъ приняли участіе, между прочимъ, и такіе блестящіи артистическіи силы, какъ г-жи Долина и Михайлова и гг. Мазини, Баттистини и Габриловичъ. Въ публичнѣ преобладали представители высшаго общества, но залъ далеко не былъ полонъ. Какъ во всѣхъ благотворительныхъ концертахъ, пестрала и несовершенная программа разрослась до утомительныхъ размѣровъ, вслѣдствіе безконечныхъ повторовъ. Г-жа Долина съ тонкимъ мастерствомъ спѣла „Esclave“ Лазо, аріозо изъ „Tribut de Zamora“ Гуно и кромѣ того, съ аккомпаниментомъ арфы, скрипки и органа, исполнила „Sancta Maria“ Фора. Г-жа Михайлова спѣла арію изъ оп. „La perle du Brésil“ Фел. Давида съ аккомпаниментомъ флейты. У артистки лирическое сопрано прелестнаго тембра, но колоратура съ довольно зауридной. Блестяще-колоратурныя аріи не въ ея средствахъ. Г-жа Долина и Михайлова исполнили съ замѣчательнымъ ансамблемъ и вкусомъ дуэтъ изъ оп. Берлиоза „Beatrice et Benedict“ и на bis дуэтъ изъ оп. „Jean de Nivelles“ Делиба. Большой интересъ представляла сдѣланная г-жею Чарлоне аранжировка „Danse Macabre“ Сенъ-Сауса для арфы. Г-жа Чарлоне, какъ блестящая виртуозка, повидимому, хорошо изучила эффекты своего инструмента, но, какъ и слѣдовало ожидать, въ переложеніи популярнаго пьеса Сенъ-Сауса произвела блѣдное впечатлѣніе. Модуляціи и сложная полифонія — не въ средствахъ арфы. Ея сфера — монодическая мелодія съ широкимъ фигурированиемъ или арнеджированнымъ аккомпаниментомъ. Еще менѣе основанія перекладывать для арфы описательныя произведенія звуковой живописи, рассчитанныя на спеціальныя эффекты оркестроваго колорита. Развѣ арфа въ состояніи подражать ударами ксилофона, которые въ „Danse Macabre“ изображаютъ стукъ костей? Г-жа Заволани сыграла полонезъ Вьстана. У скрипачки небольшою тономъ и средняя техника Г. Мазини исполнила довольно безцвѣтно арію изъ „Искателей жемчуга“ Визе и мастерски, хотя и безъ прележнаго блеска, спѣла на bis „Siciliana“ изъ „Сезонской Чести“. порадала своимъ безирриформнымъ дыханіемъ. Ифкогда феноменальный по своему чарующему тембру теноръ г. Мазини теперь замѣтно унадеваетъ, утрачивая преж-

июю обаятельность. Шумные восторги вызвал вокальнымъ совершенствомъ исполненія г. Баттистини, чудный баритонъ котораго находится теперь въ полномъ своемъ блескѣ. Большой и заслуженный успѣхъ имѣлъ г. Габриловъ, сыгравшій въ-дѣльный похитиръ Шопена и на *his* шестую рапсодію Листа. Г. Габриловъ имѣетъ всѣ задатки для мировой славы, но ему необходимо отрѣшиться отъ мадерничанья, обуславливающаго нерѣдко сухость исполненія, и отъ преувеличеннаго стремленія къ такой протяжности звука, къ какой роля, въ силу своей конструкции, неспособенъ. Слѣдуетъ отмѣнить старательный аккомпаниментъ гг. Иванова и Казаченко. *Н. Кн.*

Н. Ф. Горбуновъ.

(Къ предстоящей лекціи А. Э. Кони).

Какъ намъ передаютъ, возникаетъ интересный процессъ между дирекціею театра Литературно-артистическаго кружка и собственникомъ Малаго театра, графомъ Апраксинымъ. Дирекція ищетъ съ графа 17,000 руб., истраченныхъ на передѣлку сцены. По смыслу контракта, графъ Апраксинъ обязанъ былъ поднять такъ называемые «колосники». Дирекція колосниковъ не подняла, но углубила сцену и произвела ремонтъ другого рода, вызвавшій затрату въ 17,000 р., и эта сумма является предметомъ иска. Сомнительно, чтобы основательная претензія не была удовлетворена г. Апраксинымъ, и можно думать, что ремонтъ производился безъ точнаго соображенія съ контрактомъ. Въ виду возможнаго процесса, слухи о томъ, что графъ Апраксинъ намѣренъ нарушить контрактъ съ дирекціею театра, довольно вѣроятны.

Артисты его велико-герцогскаго высочества герцога Г. Г. Мекленбургскаго, гг. Каменскій (первая скрипка), Дуловъ (вторая скрипка), Гейне (альтъ) и Буткевичъ (виолончель), въ четвергъ 15 января, дали въ залѣ Петровскаго училища квартетный вечеръ. Въ программу вошли три квартета: Гайдн (G-dur, op. 77, № 1), Бетховена (E-moll, op. 59, № 2) и Рубинштейна (F-dur, op. 17, № 3). Квартетисты играли съ замѣчательнымъ ансамблемъ и стройностью, но нюансировка оставляетъ желать многого. Ихъ piano и особенно pianissimo недостаетъ прозрачности и воздушности, т. е. такихъ качествъ, которыя составляютъ коренное условіе камерной музыки. Благодаря этому, надъ всѣмъ исполненіемъ господствуетъ менцо-форте, придающее игрѣ отпечатокъ нѣкоторой грубости. Впрочемъ, квартетъ этотъ существуетъ относительно недавно и можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ молодые квартетисты выработаютъ въ себѣ также надлежащую тонкость и богатство оттѣнковъ. *Н. Кн.*

Намъ пишутъ изъ Москвы. Самая видная злоба дня — постановка на сценѣ театра Солодовникова новой оперы — былинны «Садко» Н. Римскаго-Корсакова. Опера не раздѣлена на акты, какъ принято, а состоитъ изъ картинъ, которыя можно ставить какъ угодно, комбинируя одну съ другою. Содержаніе либретто вкратцѣ сводится къ слѣдующему. Садко, пѣвецъ Новагорода, похваляется на пиру тѣмъ, что, имѣя онъ богатство, онъ поѣхалъ бы на корабль за синее море, а не сидѣлъ бы за столами дубовыми. Гости удаляютъ Садко, и онъ съ горя уходитъ къ Ильмень-озеру, садится на Горючъ-камень. Пролетаютъ бѣлы лебеди, обращаются въ красныхъ дѣвушекъ, и царица ихъ, Волхова, увлекаетъ Садко, обѣщаетъ ему силу, золота и рыбонъ златоперыхъ. Садко, забрасываетъ сѣти въ Ильмень-озеро, на виду всего народа, вытаскиваетъ богатство въ видѣ златоперыхъ рыбокъ и кусковъ золота, тутъ же снаряжаетъ дружину за море, въ землю веденецкую. Всѣ корабли бѣгутъ, одинъ Садкинъ корабль-Соколы — всталъ.

Видно, царь морской дани требуетъ. Бросилъ жребій, кому спуститься на морское дно. Онъ палъ на Садко, и какъ только онъ спустился съ корабля на море, корабль-Соколы уплылъ съ дружиною, а Садко спустился въ бездну морскую, гдѣ происходилъ пиръ морского царя съ чудовищами. Царь проситъ Садко сыграть на гуселькахъ-яровчатыхъ. Подъ звуки гусель заплесали морской чудница, забушевало оканъ-море, стало корабли топить. И явился тогда Старчище, велѣвшій пляску прекратить, прекрасной Волховѣ обратиться въ рѣчку, Садкѣ подняться на землю. И опять Садко у Горючъ-камня, убавканный пѣсней Волховы. Его находить жена Любава. Онъ рассказываетъ обо всемъ ей и народу, начинающему славить его подвиги. На этой канвѣ г. Римскій-Корсаковъ далъ рядъ живописныхъ звуковыхъ картинъ. Музыкальныя характеристики, хотя и не выпуклы, но не лишены интереса. Народныя массы подвижны и кромѣ того, живутъ по-русски. Инструментовка, по обыкновенію, яркая и колоритная, составляетъ самое сильное мѣсто оперы. На всемъ произведеніи лежитъ отпечатокъ чисто стариннаго, былевого русскаго духа. Опера, конечно, не лишена недочетовъ, преимущественно въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но въ общемъ опера заслуживаетъ вниманія.

Исполненіе, если принять во вниманіе средства и силы частной оперы, въ общемъ, было удовлетворительно. Изъ артистовъ лучше всѣхъ былъ г. Секарь-Рожанскій въ роли Садка. Г. Бедлевичъ, съ его неуклюжимъ басомъ, хорошъ для морского царя. Небольшая партія Любавы Вуслаевны исполнялась г-жею Ростовцевою. Партія исполнѣ въ ея средствахъ и ея жанрѣ, и это дало ей возможность проявить исполнѣ свой талантъ. Г-жѣ Негринъ-Шмидтъ, пѣвшей морскую царевну, недоставало силы голоса, колоратура же для партіи развита въ достаточной степени. На первомъ представленіи хоръ все время пѣлъ грубо, мѣстами сбивался, оркестръ же выполнилъ свою нелегкую задачу относительно сносно. Отъ дирижера Эпензито можно было бы требовать много лучшаго, но, очевидно, это не въ его силахъ. Декораций, эффектовъ и костюмовъ, въ общихъ чертахъ, были удовлетворительны.

Новая опера г. Корсакова настолько понравилась москвичамъ, что дѣлаетъ превосходные сборы. Пріѣзжавшій ко второму представленію композиторъ былъ чествуемъ сердечно и въ высшей степени шумно.

Другая злоба дня — выходъ въ отставку, по болѣзни, г. Шостаковскаго, основателя филармоническаго общества, директора его училища и дирижера концертовъ. Это крупная потеря и для Филармоническаго общества, и для музыкальной жизни Москвы. Такіе энергичные и преданные дѣлятели, какъ г. Шостаковскій, составляютъ вездѣ рѣдкость, а тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ энергія и духъ инициативы такъ слабо развиты. Г. Шостаковскій не только создалъ общество, его училище и концерты, но и буквально вынесъ ихъ на своихъ плечахъ, поставивъ на такую высоту, которая стѣжала учрежденію европейскую извѣстность. Покидаетъ онъ мѣсто развитымъ и изнеможеннымъ. Времена его замѣщаетъ С. Кругликовъ, одинъ изъ профессоровъ училища. Вопросъ о назначеніи новаго директора остается открытымъ, и кто будетъ избранъ — неизвѣстно. Кандидатами, какъ говоритъ, намѣчены С. Кругликовъ, А. Виноградскій, А. Зилотти и Н. Кленовскій. Добавлю, что мѣсто это не только ответственное, но и важное, такъ какъ директоръ училища и общества въ то же время долженъ быть и профессоромъ какого-либо предмета, и дирижеромъ симфоническихъ концертовъ общества, а слѣдовательно отъ его личности зависитъ во многомъ направленіе музыкальной жизни въ Москвѣ.

На праздникахъ у насъ было два выдающихся концерта. Пятымъ симфоническимъ управлялъ кievскій дирижеръ г. Виноградскій. Это чрезвычайно подвижный, живой, съ ярко обозначеннымъ направленіемъ дирижеръ. Его сфера — новѣйшая музыка. Въ концертѣ онъ исполнилъ D-moll'ную симфонію Цезаря Франка, возведеннаго, послѣ смерти, въ главаря молодой французской школы. Въ симфоніи Франка мало истиннаго вдохновенія, которое замѣняется глубокомыслиемъ ученаго и ловкостью недюжиннаго техника. Музыкальнѣе и болѣе заинтересуетъ его голосоведеніемъ, модуляциями и инструментовкою. Но музыкальное чувство остается неудовлетвореннымъ. Композитору рѣдко удается достигнуть ясности мыслей, по большей части стиль туманный и запутанный и нужно много усилій, чтобы выплывать въ его изложеніе. Среди дилетантовъ и музыкантовъ конца вѣка произведеніи Франка всегда поражаютъ много споровъ и недоуобщѣ. Это, во всякомъ случаѣ, указываетъ на яркость его музыкальной фizioноміи. Формы у него необычны: симфонія состоитъ изъ трехъ частей, вмѣсто обычныхъ четырехъ, а слѣдовательно приближается къ формѣ концерта. Сыгранная затѣмъ сюита Делиба «Le roi s'amuse» — просто звуковая играшка, милая, но безсодержательная. Едва ли не съ самымъ большимъ интересомъ отнеслась публика къ сим-

Ревизоръ на сценѣ «Оеувге».

фонической поэмы „Стенька Разинъ“ Глазунова, написанной шужно и колоритно. Предпоследнимъ номеромъ шло интермеццо для струнныхъ М. Импозитова-Иванова и „Малороссійскій казачекъ“ Даргомыжскаго. Всѣми вещами г. Виноградскій дирижировалъ превосходно, но обиліе ихъ въ одномъ концертѣ дѣйствовало утомительно. Скрипачка г-жа Заполли, игравшая первую часть изъ концерта Паганини-Вильгельми, далеко не произвела на слушателей впечатлѣній законченной артистки. Ей еще многого недостаетъ. Г. Яковлевъ, баритонъ петербургской казенной оперы, талантливо сѣбалъ „Два призрака“, балладу Ц. Кюн, романсы Аренскаго „Менестрель“, Рахманинова „О, цѣтъ, молю, не уходи“ и серенаду г. Корещенко. О томъ, что г. Яковлева принимали съ восторгомъ, что его заставляли повсюду повторять—лишь и говорить. Баллада г. Кюн—последнее слово каюфоніи.

Среди множества концертовъ, концертъ піаниста Осина Габриловича положительно выдѣляется. Поесть сыгранной для начала органной томаты и фуги (D-moll) Баха-Таузинга, піанистъ исполнилъ сопату (Es-dur) Бетховена, похитуритъ и As-dur)ную балладу Шопена, мелодію Гайка-Стамбати, „вѣнскій карнавалъ“ и цѣлый рядъ произведеній Рубинштейна, Чайковскаго, Лешетицкаго и Мендельсона-Листа. Піанистъ, къ сожалѣнію, какъ мнѣ показалось, не былъ въ ударѣ и исполненію не доставало разнообразія настроеній. Это, впрочемъ, не помѣшало выдающемуся успѣху піаниста, въ концѣ принятому внипительные разсыры.

Читавшій здѣсь лекціи объ искусствѣ В. П. Острогорскій, послѣднюю посвятилъ музыкѣ. На взглядъ спеціалистовъ, она была довольно поверхностна. Впрочемъ, въ виду незнакомства лектора съ музыкою, въ его планѣ могло входить лишь изложеніе того, какими образомъ развивалось это искусство, какое оно имѣетъ значеніе въ дѣлѣ воспитанія и насколько оно желательно. Значеніе ея, конечно, огромно, а желательность—въ сомнѣніи. Лекція сопровождалась исполненіемъ музыкальных пьесъ г. Шоромъ, хоромъ и г-жею Липовой. *Н. Липовъ.*

* *

Въ настоящемъ номерѣ помѣщенъ набросокъ, изображающій представленіе „Ревизора“ на сценѣ театра „Оеувге“. Судя по рисунку, представленіе дѣйствительно диковинное. Въ особенности живописецъ Хлестаковъ, удивительно напоминающій коммъ изъ моднаго магазина.

Постановка „Ревизора“ дала поводъ критику „Моск. Вѣдом.“, г. Васильеву предложить нашимъ дипломатическимъ агентамъ за границу вступаться за безжалостно извращаемыя пьесы русскихъ авторовъ. Придется ввести новый отдѣлъ въ курсѣ международнаго права, и пожалуй, признать за *sans belli* дурную игру... Какая непрерывная война съ иностран-

ными державами угрожала бы намъ, если бы и чужестранные дипломатическіе агенты взяли бы на себя трудъ слѣдить за нашими извращеніями!..

* *

Въ понедѣльникъ въ театрѣ Немецки состоялся бенефисъ г-жи Карениной. Шелъ веселый фарсъ Биссона „Ревнивица“, только за два дня до этого поставленный на сценѣ Михайловскаго театра. *Mise en Scène* была соблюдена по французскимъ образцамъ и вообще фарсъ былъ весело разыгранъ г-жами Воронцовой-Ленни, Варламовой, Чекаловой, гг. Ленни, Скуратовымъ, Сабуровымъ и др. Бенефициантка выступила въ „Сыщикѣ“, была встрѣчена вполнѣ сочувственно и получила много подарковъ и цвѣтовъ въ вазахъ и безъ оныхъ. Сборъ былъ умѣренный.

* *

Въ Василеостровскомъ театрѣ иногда можно видѣть поучительныя вещи, какихъ не увидишь въ другихъ театрахъ. Будучи по своему назначенію демократическимъ театромъ, онъ далекъ отъ затхлоу рутины. Директоръ его, Е. Е. Ковалевскій, къ счастью—не профессиональный театраль, а просто любящій дѣло—человѣкъ. Въ этомъ театрѣ есть молодые артисты и имъ даютъ возможность въ бенефисномъ спектаклѣ выбрать по своимъ средствамъ роль и проявить свои данности.

На-дняхъ мы присутствовали на бенефисѣ молодой артистки Ивиной. Въ „Принцессѣ Багдадской“ А. Дюма въ главной роли, она проявила столько интереснаго, что публики въ теченіи трехъ актовъ съ волненіемъ слѣдила за ходомъ пьесы. Рѣдкій по силѣ и чистотѣ голосъ, благодарная виѣшность, драматическая сила, хорошая читка, все это есть у г-жи Ивиной, а остальное, что нужно для законченной драматической актрисы, придетъ, такъ какъ у ней есть столь рѣдкая у русскихъ актеровъ склонность къ осмысленной, осторожной, неторопливой работѣ. Отмѣтимъ особенно 2-й актъ, въ которомъ артистка проявила много искренняго драматизма.

* *

Новая пьеса г. Ге „Кавы“ идетъ въ бенефисъ г-жи Пуаре въ театрѣ Корша. Пьесу мы предполагаемъ напечатать въ нашемъ журналѣ.

* *

Во вторникъ, 13 января, намъ пришлось присутствовать на вечерѣ Музыкально-драматическаго кружка въ залѣ Павловой. На этотъ разъ шла новая пьеса г. Туношенскаго „Одинъ изъ многихъ“. Пьеса оказалась вполнѣ доброкачественной и съ незначительными редакционными поправками, могла бы занять почетное мѣсто въ репертуарѣ и заправскихъ сценъ. Правда,

она не отличается оригинальностью замысла и сложною игрою характеровъ, но и большинство новыхъ пьесъ этими качествами не отмечено. Центральное лицо пьесы, сельскій врачъ, или «одинъ изъ многихъ», — слабохарактерный человекъ, со смутными порывами и непребродившими силами. Въ общемъ, это сколокъ частью съ Макса Холмина, частью съ Рабачева. По обыкновенію, вокругъ «одного изъ многихъ» двѣ женскія фигуры — чистой дѣвушки, на сторонѣ которой симпатіи автора, и *grande coquette*, на сторонѣ которой хотя и временныя, однако, довольно реальныя симпатіи кавалеровъ. Исторія довольно старая и обыкновенная. Авторъ прибавляетъ отъ себя нѣсколько монологовъ о служебнѣмъ народу, сестрахъ милосердія и т. п. очень похвальные и почтенныя рѣчи. Языкъ, въ общемъ, правильный и закругленный, хотя встрѣчаются и lapsus linguae. Если авторъ — начинающій, то современемъ изъ него можетъ выработаться вполне достойный драматическій писатель.

Исполненіе пьесы было весьма примичное. Г-жа Матова, игравшая ingénue, обладаетъ искренностью и движеніемъ у нея ритмическія и пріятныя. Менѣе удовлетворила насъ исполнительница другой женской роли, растягивающая слова, для большаго кокетства, и полагающая, повидимому, обольстительность въ изломанныхъ тѣлодвиженіяхъ. Изъ исполнителей мужскихъ ролей слѣдуетъ отмѣтить г. Александрова, опытнаго и не лишеннаго дарованія любителя. «Одного изъ многихъ» игралъ любитель, быть можетъ, и способный, но съ наклономъ къ кривлянью и слащавости въ лирическихъ мѣстахъ.

Въ антрактахъ, подлѣ управленіемъ М. М. Иванова, играли оркестръ любителей. Это очень умильное зрѣлище, ибо тутъ полное смѣшеніе возрастовъ, племенъ, нарѣчій, состояній.

* * *

Драматическою цензурою на-дняхъ разрѣшена къ представленію послѣдняя пьеса Гальбе — «Мать-земля». Пьеса переведена В. М. Саблиннымъ и намѣчена одною изъ ближайшихъ новинокъ театра Корша.

* * *

Извѣстный трагикъ Густавъ Сальвици будетъ гастролировать въ Петербургѣ съ 22-го февраля по 3-е марта. Съ 5-го марта по 15-е, назначенъ спектакль артистки Виталианы, гастроллирующей въ настоящее время въ Сѣверной Америкѣ.

* * *

Въ Маломъ залѣ консерваторіи во вторникъ, 20-го января, состоится восьмое и послѣднее квартетное собраніе, при участіи: г-на Лаврова (фортепіано); квартетъ: гг. Ауэръ (первая скрипка), Крюгеръ (вторая скрипка), Коргуевъ (альтъ), Вержбиловичъ (первый виолончель) и Кузнецовъ (второй виолончель). Программа: 1) квартетъ для двухъ скрипокъ, альтъ и виолончели (D—dur), op. 11 — Аренскаго. 2) Тріо для фортепіано, скрипки и виолончели (D—dur), op. 70: — Бетховена, партію фортепіано исп. г. Лавровъ. 3) квинтетъ для двухъ скрипокъ, альтъ и двухъ виолончелей (C—dur) — Шуберта. Начало въ 8 час. вечера. Роль фабрики Я. Беккера.

* * *

Пабло Саразате.

12-го января, въ московскую думу, по словамъ «Нов. Дни», — поступила докладная записка съ заявленіемъ, подписаннаямъ Вл. П. Непировичемъ-Данченко и Г. С. Алексѣевымъ (Станиславскимъ). Въ запискѣ излагается проектъ устройства въ Москвѣ общедоступнаго по цѣнамъ и вполне художественнаго по задачамъ, по намѣченному репертуару, театра. Проектъ разработанъ во всѣхъ деталяхъ, съ чрезвычайною осторожностью, съ полнымъ сознаніемъ всей важности и трудности проектируемаго дѣла. Впрочемъ, уже самыя имена составителей проекта, которыми подписано заявленіе въ думу, достаточно ручаются за эти качества, за то, что это — не затѣя легкомысленныхъ мечтателей. За дѣло берутся одинъ изъ талантливейшихъ, серьезныхъ нашихъ драматурговъ и чуть-ли не лучший теперь русскій режиссеръ, дѣломъ доказавшій, что театральное искусство ему дорого, свято. Отъ думы инициаторы и будущіе руководители общедоступнаго театра желаютъ, во-первыхъ, присвоеніе театру наименованіе «городскаго», что не можетъ не поднѣсть сразу-же его престижа въ глазахъ публики; во-вторыхъ — ежегодной субсидіи, относительно — очень скромной.

Ходатайство свое гг. Непировичъ-Данченко и Алексѣевъ основываютъ, конечно, на томъ, что общедоступный театръ имѣетъ, помимо своимъ назначеніемъ, служить художественному развитію небогатаго населенія Москвы, давая ему развлеченіе «воспитательнаго характера». Какъ мы слышали, лица, стоящія во главѣ городского самоуправленія, относятся къ этому проекту вполне сочувственно. Надо думать, что такъ-же относится къ нему и дума, которой записка будетъ доложена въ засѣданіи 20-го января, и общедоступный театръ, наконецъ, возникнетъ въ Москвѣ.

* * *

7-го января, въ манежѣ юнкерскаго училища была поставлена извѣстная комедія «Лѣсъ». Г. Ковалевскій сумѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, хорошо обставить пьесу.

Артисты серьезно отнеслись къ исполненію ролей. Недурны были г-жи Райдина, Эльмина, гг. Вольфъ, Холминъ (Арканжа). Публики собралось довольно много, и большая часть, быть можетъ, совершенно несоответственно ожиданіямъ принадлежала къ интеллигентному классу. Артистовъ дружно вызывали.

* * *

Въ залѣ городской думы, 18-го января, въ 2 ч. по-полудни состоится второй общедоступный народный концертъ, при участіи оркестра гг. А. Д. Шереметева, солистовъ: г-жи Чеховой, гг. Г. Н. Шахурдина, Поломаренко и Воловцова — исполнено будетъ: 1) Ув. «Дмитрій Донской» — Рубинштейна, 2) соло на гусляхъ, исп. г. Воловцовъ, 3) «Въ церкви» — музык. карт. Чайковскаго, 4) Арія изъ оп. «Русланъ и Людмила» — Глинки, исп. г. Шахурдинъ, 5) «Пѣснь смерти» — Сенъ-Сансъ, 6) Ув. «Ромео и Джульетта» — Чайковскаго, 7) «Легенда» — Цабель соло на арфѣ исп. г. Поломаренко, 8) 2-е вступленіе къ ораторіи «Семь словъ Спасителя» — Гайдна, 9) Романсы Рубинштейна и Чайковскаго, исп. г-жа Н. А. Чехова и 10) Мазурка изъ оп. «Жизнь за Царя» — Глинки. Двумя оркестровыми пьесами будетъ дирижировать графъ А. Д. Шереметевъ. Это, безъ сомнѣнія, придастъ концерту особенный интересъ. Графъ не новичекъ въ дѣлѣ управленія оркестромъ. Любя музыку и понимая ее, онъ нерѣдко самъ дирижируетъ въ произведеніяхъ любимыхъ авторовъ, среди которыхъ Рубинштейнъ и Чайковскій занимаютъ первое мѣсто.

* * *

† М. Т. Ивановъ-Козельскій. Въ 8 ч. утра 15 января скончался М. Т. Ивановъ-Козельскій, уже нѣсколько лѣтъ находившійся въ безнадежномъ состояніи. У него были прогрессивный параличъ. Какъ говорить, непосредственною болѣзнью покойнаго были потери состоянія, сконченнаго годами, и семейныя непріятности.

Сообщаемъ часкоро кое-какія данныя о жизни и дѣятельности этого блестящаго и даровитѣйшаго артиста. Свою сценическую карьеру покойный началъ, кажется, въ Житомирѣ, будучи незначительнымъ канцелярскимъ чиновникомъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ приобрѣлъ славу и необыкновенную любовь публики. Особенною любовью онъ пользовался на югѣ, въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ. Служилъ онъ и въ театрѣ Бренко въ Москвѣ, и въ Петербургѣ на казенной сценѣ, но не удержался. Петербургъ больше зналъ Козельскаго по гастрольнымъ спектаклямъ въ Маломъ театрѣ и театрѣ Немецки. Лучшими ролями Козельскаго считались: «Отъ судьбы не уйдешь», «Шейлокъ», «Женитьба Бѣлугина», «Въспенныя деньги» (Теллеве), «Уріэль Акоста» и др. Онъ обладалъ удивительною сердечностью и искренностью, и отдѣлывалъ роли въ совершенствѣ. Его пѣвучій голосъ, напоминавшій виолончель, держалъ публику въ очарованіи. Какъ теперь помнимъ мы его знаменитую фразу изъ «Женитьбы Бѣлугина»:

— „И сегодня маскара-адъ, и завтра маскара-адъ и въ маскарадъ маскара-адъ... Талантъ его былъ въ познать различіе, когда его схватила злая болѣзнь.

Похороны состоятся въ воскресенье.

Намъ пишутъ изъ Москвы. 12 Января въ театрѣ Шезан-тина состоялся бенефисъ артистки и директрисы труппы М. П. Никитиной. Поставлена была оперетка-феерія „Фла-ма“, или „Дитя огня“, шедшая прежде въ Москвѣ подъ назва-ніемъ „Чертова супруга“. Обстав-лена была оперетка лучшими си-лами труппы, а потому пропала съ весьма удовлетворительнымъ ан-самблемъ. Очень живо изображала г-жа Никитина заглавную роль. Поставлена „Флама“ роскошно. Особенно хороши вторая картина 3-го акта—превращеніе парка въ цвѣточное царство.

М. П. Никитина.

Италянскіе пѣвцы незаменимы въ итальянскомъ оперномъ репертуарѣ, но въ произведеніяхъ другихъ школъ они производятъ сплошь и рядомъ убійственное впечатлѣніе рутинностью игры и вокальнымъ жонглерствомъ. Недовольствуясь неудачными экскурсіями въ область французской оперы, дирекція нашей итальянской оперы вздумала совершить набѣгъ и на русскія произведенія. Такъ, на 25 января назначено пер-вое представленіе „Евгенія Онѣгина“ и анонсы возвышаютъ, что на этотъ „спектакль“ всѣ билеты уже проданы. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать какому истязанію подвергнется чудесная опера Чайковского. Поэтъ-мечтатель Левскій и г. Мазини, мечтательный образъ Татьяны и г-жа Боноплати!.. А наша публика валомъ валитъ,—чтобы вполне насладиться уродливыми исполненіями образовъ, которые такъ дороги рус-скому сердцу, и съ которыми связаны наши самыя свѣтлыя воспоминанія...

Писаніе пьесъ принимаетъ совершенно эпидемическій характеръ. Осталось очень мало писателей, не зараженныхъ инфекціею. Такъ, мы слышали, что въ литературно-театраль-ный комитетъ представлены двѣ пьесы профессора Вагнера. Какъ этого почтеннаго профессора и туманнаго Кота-Мурлыку, угораздило написать пьесы—даже сказать трудно.

Написалъ также пьесу, какъ слышно, небезызвѣстный публицистъ и специалистъ по вопросамъ социологіи Л. Е. Оболенскій

A qui four?

Эмиль Золярь.

Театральныя замѣтки.

Давно я не принимался за „Театральныя за-мѣтки“. Причина та, что „замѣчать“ было нечего. Вотъ и „Новое Время“ пишетъ, что нынче не время драматическихъ шедевровъ и гени-альныхъ актеровъ. Это совершенно резонное ука-заніе. Только вывода отсюда такого дѣлать нельзя, что такъ какъ-де шедедровъ нѣтъ и актеровъ тоже, такъ ужъ разбирать нечего, а вали, черезъ пень-колоду, и при этомъ похвалявай...

Признаюсь, именно эта немножко безцеремонная замѣтка заставила меня взяться за перо. Если от-кинуть въ этомъ удивительномъ опытѣ театральнаго критерія все, что касается разныхъ домашнихъ „литературно-артистическихъ“ дѣлъ и „всякой пош-лости и прозы“, то получается такой софизмъ: не только требовательность публики падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ искусства, въ чемъ, пожалуй, нѣтъ ничего удивительнаго, но самыя основы нашихъ сужденій о художественномъ и прекрасномъ пере-мѣщаются соотвѣтственно со степенью процвѣтанія современнаго искусства. Откровенно! Отсюда одинъ шагъ до относительности морали, и наконецъ, до афо-ризма Балалайкина: истина есть результатъ судебного-решенія...

Въ общемъ, если „дешифровать“ это мятое исповѣданіе эстетической вѣры, то получится такое руководство для театральнаго критика. Предъ нами, положимъ, дрянной театръ. Но это абсолютная точка зрѣнія, непримѣнимая въ нашъ вѣкъ относительной, Балалайкинской истины, а потому онъ театръ хо-рошій. Труппа этого театра ефрая, плохая и не интересная. Можетъ быть, но съ лучшимъ актерами не сгустишь и не успѣли заключить условія, а по-тому то, что есть, прекрасно. Наконецъ, пьесы ставятся. Chi lo sa? Но изъ нехѣтыхъ и часто воз-мутительныхъ пьесъ слѣдуетъ выбрать тѣ, которыя менѣе нехѣты и возмутительны, и считать ихъ пре-красными и достойными произведеніями драматиче-ской поэзіи. Вѣчное и непреложное въ критикѣ—это эпитеты. Подобно тому, какъ существуютъ по-стоянныя выигрыши, а только мѣняются счастливы-цы,—такъ и здѣсь: всегда есть прекрасное и без-подобное, но, смотря по сезону, сегодня выигрышъ достается одному, а завтра—другому.

Выражаясь нѣсколько вульгарно, это значить: за непмѣвѣмъ гербовой, напишемъ на простой. Но нужно обладать большимъ мужествомъ, чтобы от-крыто въ этомъ признаваться!

Ближайшимъ послѣдствіемъ новой эстетической теоріи явилось нѣсколько лестныхъ эпитетовъ по адресу пьесы г. Амфиотрова—„Отравленная Со-вѣсть“. Вотъ пьеса, которая, не смотря на балалай-кинскія теоріи относительныхъ достоинствъ, не за-служиваетъ никакого снисхожденія. Пьеса г. Амфи-отрова тѣмъ и ядовита, что пошлость въ ней „газирована“, что пустота разцвѣчена, а ничтоже-ство прикрито нарядомъ.

Шедевровъ дѣйствительно нѣтъ, да къ шедеврамъ и не зачѣмъ обращаться за сравненіями. Творческій даръ, въ высокомъ смыслѣ этого слова, данъ не-многимъ. Но, затѣмъ, для авторовъ средняго раз-бора, есть множество путей въ литературный храмъ. Когда человекъ ясно замѣчаетъ себя, что хочетъ сказать, и въ мѣру отпущенныхъ силъ, старается свою мысль выразить—это тоже задача почтенная. Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas... Но когда

человѣкъ ничего не хочетъ сказать и ничего не имѣетъ сказать, а держитъ предъ собою бумагу и дѣлаетъ молодцоватыя росчерки, пофигуристѣе, — это шелопаѣство. И чѣмъ это шелопаѣство развязнѣе, молодцоватѣе и бойчѣе, тѣмъ, въ сущности, оно противнѣе, ибо немножко уже на издѣвательство смахиваетъ. Смотрите, говоритъ такой господинъ, — вѣдь вотъ я совсѣмъ шелопаѣ: сверху мундиръ, а подъ мундиромъ ничего, какъ у гарнизонной команды пзъ „Ревизора“, а между прочимъ, какіе курбегы выплываю!..

Таково именно впечатлѣніе, оставляемое „Отравленною Совѣстью“ г. Амфитеатрова. Въ той же замѣткѣ „Нов. Врем.“ говорится, что идея этой пьесы таже, что въ „Преступленіи и Наказаніи“. Я думаю, что и самъ г. Амфитеатровъ, не смотря на то, что у него мундиръ, а подъ мундиромъ — ничего до этого не договорился бы. Раскольниковъ убиваетъ старуху, потому что, путемъ долгаго размышленія и ряда софизмовъ, поставилъ себя внѣ нравственнаго закона и мораль утилитарную осмѣлился возвысить надъ моралью божественною. Но когда убійство совершилось, — нравственный законъ возопилъ къ небу, и отсюда великая цѣпь мученій, которая приводитъ его къ необходимости понести наказаніе, въ обществѣ съ такою же отверженною Соней Мармеладовою. У г. Амфитеатрова барыня, у которой была въ молодости связь съ нѣкимъ Ревизиновымъ, убиваетъ его потому, что онъ требуетъ отъ нея, чтобы она ему отдалась, иначе угрожаетъ опубликовать имѣющіеся у него пьесы. Убиваетъ она его подъ вліяніемъ аффекта, потому, какъ „Тоска“ стоитъ на колѣняхъ пѣсколько мгновеній, и наконецъ, убѣгаетъ. Этимъ кончается коротенькій актъ. А затѣмъ въ двухъ коротенькихъ картинахъ рассказывается довольно неуклюже о томъ, какъ слѣдователь догадывается, въ чемъ дѣло, а госпожу Долховскую мучаетъ совѣсть. Мучаетъ ее, мучаетъ „отравленная“ совѣсть, и въ концѣ концовъ, героиня застрѣливается, причѣмъ уже съ прострѣленной головой, читаетъ длинный монологъ, и сама (!) дѣлаетъ надпись на слѣдственномъ производствѣ: „за смертью обвиняемаго, дѣло прекращается“. Я сохранялъ этого послѣдній эпизодъ, ибо въ немъ, какъ на каплѣ воды, отражается весь г. Амфитеатровъ въ которомъ сверху фельетонный мундиръ, а подъ мундиромъ — ничего. Такой не только психологическій, но и физическій невозможный эпизодъ, его не устрашаетъ, ибо въ своихъ фельетонныхъ скитавляхъ вокругъ свѣта онъ научился храбрымъ быть, и притомъ — чѣмъ онъ рискуетъ. Безстрашіе савкюлога, — прежде всего результатъ его нищеты, а потомъ уже его убѣжденій...

Итакъ, г. Амфитеатровъ думаетъ, что онъ изобразилъ „отравленную“ совѣсть. Это или неустрашимо, или просто глупо, а можетъ быть, и то, и другое вмѣстѣ. Я думаю, что всякій, кто убилъ человѣка, долженъ чувствовать себя нехорошо, если онъ не присяжный бравъ, подобно тому, какъ всякій украшій долженъ испытывать ощущеніе стыда, если онъ не занимался хищеніемъ систематически. Сказать, что совѣсть *случайнаго* убійцы т. е. такого убійцы, который убивать не хотѣлъ, не стремился, у котораго въ душѣ нѣтъ никакого предрасположенія къ убійству, а въ мысли никакого ему теоретическаго оправданія, — что такая совѣсть отравлена воспо-

Малый театръ.

Послѣдній актъ др. «Отравленная совѣсть».

минаніемъ, значить — ровно ничего не сказано. Это все равно, что написать пьесу въ защиту такой истины: когда обожжешь руку, то образуется пузырь, когда не спишь ночь, то болятъ голова, когда не знаешь, о чемъ говоришь, то говоришь вздоръ...

Отравленная совѣсть! Ахъ, г. Амфитеатровъ, вы имѣете, надо думать, совершенно превратное представленіе о совѣсти, и въ отравленномъ, и не въ отравленномъ видѣ! Работа совѣсти есть прежде всего работа нравственнаго анализа. Да какой же тутъ нравственный анализъ? Да и гдѣ онъ изображенъ? Мы начали съ Раскольникова. Вся сущность отравленной совѣсти Раскольникова заключается въ томъ, что у него былъ *предустановленный* въ пользу убійства взглядъ. Вся сущность отравленной совѣсти Мармеладова заключается въ томъ, что онъ своимъ пьянымъ языкомъ съ удивительною силою и беспомощностью бичуетъ свою скверну, которую выдать, которую чувствовать, и въ которую вновь погружается. Но если, вотъ такъ, просто человѣкъ убилъ другого, ну, револьверъ невѣрно ли повернулъ, въ високъ нечаянно угодилъ, или швырнулъ его какъ нибудь не кстати, — вѣдь это что-же? стихійный фактъ! Онъ можетъ подавлять, омрачать, угнетать человѣка — это естественно, понятно, неизбежно. Но смысла, морали, цѣли, интереса въ этомъ слѣпомъ стихійномъ фактѣ и столь же слѣпой стихійной реакціи, разумѣется, быть не можетъ.

Достаточно поверхностнаго взгляда на планировку пьесы г. Амфитеатрова для того, чтобы убѣдиться, что и „отравленная совѣсть“, и вообще „совѣсть“, и все, что еще сюда прпвлечено для красоты — что все это тотъ же самый гарнизонно-фельетонный мундиръ, въ которомъ столь живописенъ г. Амфитеатровъ, и подъ которымъ — ничего. Двѣ трети пьесы посвящены эпизоду, и самая незначительная часть этой, якобы, работѣ совѣсти. Оно иначе и быть не можетъ, ибо изъ положеній, взятыхъ г. Амфитеатровымъ, ничего и не получится, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ ограниченнаго анализа, на который способенъ этотъ авторъ. Ну, и что-же, спросите вы меня, — развѣ пьеса такъ плоха? Да я вовсе этого

Ирвингъ.

Авторъ драмы „Петръ Великій“.

не утверждаю. Она лучше многого, что ставитъ дирекція театра. Въ пьесѣ хотя языкъ бойкій, разговоръ грамотный, и отсутствуетъ чепуха, которой усердно начиняются другія пьесы. И тѣмъ не мене, эта пьеса—уродецъ, головастикъ на маленькомъ туловищѣ, или гигантъ съ головой микроцефала. Она ужасна смѣшеніемъ бульварной драмы будто бы съ психологіею, развинченной болтовни съ элементами какого то якобы натурализма—вообще, мундиромъ, подъ которымъ—ничего. И вотъ почему, забѣгающая впередъ замѣтка „Нов. Врем.“ лжива, какъ и все, что пишетъ эта газета о театрѣ. Она лжива потому, что писавшій не могъ не понимать, что геніальныхъ шедевровъ никто не ждетъ отъ литературно-артистическаго, какъ и отъ всякаго другого театра, но всякій въ правѣ не только ждать, но и требовать чтобы дирекція театра не морочила публику бульварными мелодрамами, выдавая ихъ за новый омытъ „Преступленія и Наказанія“, да и вообще, не ставила мелодрамъ. Ибо какъ ни какъ, это—фирма, да и г. Амфитеатровъ, хотя и шлопай, а все таки литераторъ, да и г. Суворинъ, хотя и очень многое себѣ позволяетъ, а все таки и ему предѣлъ положенъ, и когда нибудь потомство все это по достоинству оцѣнитъ...

А. Н—ль.

Исторія одной „натуры“.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе *).

тиѣтъ Сеславина былъ такъ побѣдоносенъ, что были умѣстны только дифирамбы.

— Да! вы искренно это говорите? Вы находите, что это открытіе? Я потрудился надъ этимъ; каждую краску я испытывалъ двадцать разъ, изучалъ ея химическія свойства, нѣтъ тутъ непродуманнаго мазка, разумъ шелъ объ руку съ чувствомъ. Теперь смѣю могу сказать, что ямя мое занесено на скрижали исторіи. Рафаэль, Рембрандтъ, Рубенсъ и Сеславинъ. — четыре гиганта, четыре великія колонны, на которыхъ съ этихъ поръ будетъ держаться храмъ искусства! И не найдется такого Самсона, который бы рѣшился погибнуть подъ его развалинами.

— Однако, позвольте узнать, что это такое надъ головою женщины, что въ лѣсу? спросилъ Левъ Петровичъ, какъ-бы совершенно нестати почувствовавъ въ себѣ богатырскую мощь Самсона, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ генію Сеславина.

— Какъ, что надъ головою? снова заревѣлъ Пантелѣй Викулычъ.—Вглядитесь пристальнѣе! Чортъ! О, горе мое, горе!

— Конечно, я вижу, наконецъ, обиженно заговорилъ Левъ Петровичъ, — отлично вижу, что это змѣя и что это колоссальная змѣя, я думаю, что это удавъ.

— Вѣрно. „Се левъ, а не собака“. Что-же васъ смущаетъ?

— Меня смущаетъ, Пантелѣй Викулычъ, прежде всего, вашъ раздражительный тонъ. Но оставимъ... конечно, это... можетъ быть, это совершенно естественно при вашихъ нервныхъ занятіяхъ, и сердиться на васъ за это нельзя, — я это между прочимъ. А смущаетъ меня, во-вторыхъ, то, что, судя по остаткамъ костюма, которые сохраняетъ на себѣ очаровательная дама, она италянка...

— Ну-съ!

— Именно, на головѣ у ней италянское покрывало.

— Ну-съ?

— И слѣдовательно, дѣйствіе происходитъ какъ-бы въ Италіи.

— Ну-съ?

— А если-бы и водились въ этомъ европейскомъ государствѣ столь ужасныя пресмыкающіяся, то-есть удавы, то улыбка на лицѣ жертвы совершенно не отвѣчаетъ позѣ чудовища, которое, судя по раскрытой пасти, сейчасъ должно проглотить прекрасное тѣло, затянуть его слюной и превратить всю эту красоту въ безформенный комокъ. Согласитесь, неестественно.

Сеславинъ только захрипѣлъ. Такъ старинные часы, собираясь бить страшнымъ, башеннымъ боемъ двѣнадцать часовъ, набираются энергіи и минуты двѣ грознымъ шипѣньемъ оповѣщаютъ всѣхъ присутствующихъ, что будутъ немолчны.

— Вы кончили? спросилъ онъ.—Былъ я внимателенъ къ вашимъ замѣчаніямъ, слушалъ я васъ!

*) См. № 1 и 2.

Выслушайте же и вы меня. Все, что вы сказали, ерунда съ маслом! Въ искусствѣ нѣтъ ни Италіи, ни Германіи, ни Африки. Искусство есть искусство, а не географія. Это—идея и можетъ быть въ какомъ угодно головномъ уборѣ; идея есть нѣчто междунациональное и виѣпростраственное. Достаточно ясно выражаюсь? Понимаете-ли вы меня, господа? Есть-ли въ васъ паклонность хоть къ нѣкоторому теоретическому размысленію? Строго говоря, я могъ бы презрительно замолчать; но тяжело быть одному, понимаете-ли, и я долженъ говорить и защищать то, что ярче дня и само по себѣ право, потому что порождено творческимъ духомъ. Повторяю, это не женщина, а идея. Какая идея? Вдумайтесь! Порокъ, или преступленіе, или нечѣжество, все, что есть мрачнаго въ нашей жизни, олицетворено у меня въ этомъ удавѣ; удавъ поглощаетъ идею. Что вы хихикаете? Вамъ это смѣшно? Ну и прекрасно-съ!

— Я смѣюсь надъ собою,—сказалъ Левъ Петровичъ, надъ своей несообразительностью. Да, да, удавъ поглощаетъ идею, теперь мнѣ все ясно; хотя, признаюсь, главнымъ образомъ, не вашъ замыселъ и не смѣлость вашей художественной задачи побуждаютъ меня, а необычайная техника. Въ этомъ отношеніи я благоговѣю предъ вашимъ талантомъ и эту простую и, такъ сказать, безыскусственную картину, которая въ углу, я съ радостью приобрѣлъ бы и желая заплатить свое парѣ; только не знаю, въ какой мѣрѣ вы наложите на меня наказаніе за мой скептицизмъ, за то, что я, какъ Гома, до тѣхъ поръ коснѣлъ въ невѣріи, пока не вложилъ перста въ рану. Будьте такъ добры, скажите, сколько я вамъ долженъ прислать? кротко и мягко проговорилъ Левъ Петровичъ, давя уже овладѣвшій собою.

Я съ любопытствомъ ждалъ, чѣмъ кончится наше похожденіе. Я благословлялъ мракъ за то, что онъ скрылъ судороги, искажавшія мое лицо въ тѣ минуты, когда Пантелѣй Вилулычъ объяснялъ намъ содержаніе великой картины. Я отдавалъ должную дань его гениальности, но эта гениальность такъ же хромала, какъ онъ самъ; а у меня смѣшливая натура, и губы мои были искусапы чуть не въ кровь.

— Я немножко грубъ, простите меня, смягчился Сеславинъ и потрясъ руку Льва Петровича. Но когда изтратилъ половину духовнаго начала, обитающаго въ твоёмъ поганомъ организмѣ, на то, чтобы изъ презрѣннѣйшихъ матеріаловъ создать перлъ искусства и когда слышишь тутъ-же, въ этой мастерской, которая была свидѣтельницей твоихъ титаническихъ усилій, легкомысленный судъ, сердце переворачивается и тогда не думаешь о выраженіяхъ. Я не могу продать раньше выставку, то есть весной картина будетъ ваша. Пять тысячъ, не правда-ли, до смѣшного дешево? Ну, а эта—сто. Я бы могъ назначить наоборотъ, и вы должны были бы взять однако-жь, я не пользуюсь своимъ преимуществомъ, я не давлу васъ. Деньги вы можете заплатить часть теперь, часть потомъ и дадите мнѣ нотаріальную росписку. Но до выставки — секретъ, глубочайшая тайна! Мы всѣ честные люди, надѣюсь. Синьора Пелладжи, проводите гостей. Кстати, вы проданы.

Потомъ онъ сказалъ нѣсколько словъ по италіански, она засмѣялась, и мы простились съ нимъ; а синьора Пелладжи шла впереди насъ, и мы задавали себѣ вопросъ, почему это синьора Пелладжи исполняетъ роль горничной; хотя за столомъ намъ служила другая — какая то безцвѣтная дѣвчонка. Но синьора Пелладжи нисколько, повидимому, не тяготилась своей привратнической ролью и въ передней, сверкнувъ зубами, освѣдомилась у Воронцака:

— Это вы, синьоръ, покупалъ мой портрето?

— Я, моя милочка.

— А гдѣ вы остановилъ?

— То есть, что это значитъ?

— Въ какой отелло?

— Вы говорите, что онъ Отелло? Зачѣмъ же онъ позволяетъ вамъ провожать гостей?

Она покраснѣла и поспѣшила наивно воскликнуть:

— Я любилъ Шекспиръ, Аріосто и Данте! Вѣрный Аполло съ ними! Но я спрашиваю, гдѣ вы остановили?—нѣсколько иначе сказала она на этотъ разъ русское слово.

— А! Въ Европейской гостинницѣ.

— Синьоръ какъ?

— Воронцкій. Да что, вы хотите ко мнѣ съ визитомъ придти?

Она гордо посмотрѣла на него, покачала головой и сердито произнесла:

— Я модель и если я ходилъ кавальерамъ, то когда они художники. Если я справлялъ, гдѣ вы остановили, у меня былъ цѣль совсѣмъ другой. Мой тѣвъ принадлежитъ вамъ и за мой портрето мнѣ слѣдовало дученте рубли—какъ сказать по русски?

— Двѣсти рублей, перевелъ я.

— Двѣста рубли, повторила она.

— Что-же, я долженъ заплатить?—сказалъ Левъ Петровичъ

— Сп. Такъ, двѣста рубли.

— Гм! Но, надѣюсь, это въ счетъ общей суммы?

— О, Гарпагони!—всплеснувъ руками и засмѣявшись, вскричала красавица.

— Хорошо, хорошо, приходите, я заплачу.

— Нѣтъ, я сама прислать.

— Иначе же заплачу, какъ хотите.

— Я подумать.

— Такъ лучше всего. До свиданія, синьора Пелладжи!

Сойдя внизъ по безконечной лѣстницѣ и очутившись на днѣ колодеобразнаго двора, мы посмотрѣли другъ на друга и выраженіе у насъ было разное. Я отъ души жалѣлъ моего товарища: онъ не былъ такъ богатъ, чтобы тратить громадныя деньги на покупку италіанокъ, хотя-бы и ничѣмъ не отличающихся отъ живыхъ. Когда онъ приобрѣлъ мотылька на виноградной кисточкѣ, и то я пожалѣлъ его, а этотъ расходъ былъ совершеннымъ безуміемъ. Онъ же, напротивъ, чуть не оѣсновался отъ радости. Я ожидалъ упрековъ и выговоровъ, а онъ сталъ мнѣ жать руку; глаза у него были совсѣмъ пьяные, масляные и какіе-то сонные. Онъ еще словно продолжалъ видѣть предъ собою волшебные фейерверки, которые вызывалъ передъ нимъ и показывалъ въ волнахъ тумана, поднимавшагося изъ дьявольскаго котла, колдунъ Сеславинъ.

— Ну что?—произнесъ я.

— Тяжелый человекъ, но не въ немъ сила. Я думаю, подобной италіанки еще никто не написалъ. Онъ, какъ всѣ великіе люди, не умѣетъ цѣнить своихъ произведеній; италіанку онъ уступилъ мнѣ за пустяки, ей цѣна сорокъ тысячъ.

— Кто платитъ въ Петербургѣ такіе деньги?

Мнѣ было хорошо извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда художники рассказываютъ о тридцати тысячныхъ гонорахъ, на самомъ дѣлѣ ихъ мененаты, изъ московскихъ купцовъ, платятъ имъ въ десять разъ меньше. Въ провинціи этого ничего не знаютъ. Но я не сталъ разочаровывать Льва Петровича, сорокъ—такъ сорокъ, къ тому же, я не могъ ничего сказать въ осужденіе картины,—она, бесспорно, была шедевромъ.

У насъ было рѣшено, что, послѣ посѣщенія Сеславина, мы пройдемся по античнымъ лавкамъ Апраксина рынка, пообедаемъ въ какомъ-нибудь хорошемъ ресторанѣ, а вечеръ посвятимъ слушанію симфони-

ческаго концерта, на который я досталъ билеты. Вдругъ Левъ Петровичъ, что называется, заартачился.

— Нѣтъ, родной, я долженъ захватить еще кое-куда. Я забылъ—надо поспѣть тетку и затѣмъ не знаю, могу ли я повидать васъ сегодня. Развѣ завтра къ антикварамъ. И наконецъ, сами знаете, я теперь безъ денегъ.

Последнюю фразу онъ произнесъ со свойственнымъ ему флегматическимъ комизмомъ, пожалъ плечами и даже поднялъ глаза къ небу, гдѣ находился чердакъ Сеславина.

Мы разстались.

VI.

Мы разстались со Львомъ Петровичемъ не до вечера, не на день, не на мѣсяцъ, а на годъ. Это часто случается въ Петербургѣ. Вы обрадовались встрѣчѣ съ пріятелемъ, въ особенности если онъ пріѣзжій, возились съ нимъ цѣлую недѣлю, вмѣстѣ за-втракали, обѣдали, ходили въ театръ и дѣлились съ нимъ гастрономическими и эстетическими впечатлѣніями. Вы полюбили его всей своей одинокой петербургской душой, открыли въ немъ множество прекрасныхъ человѣческихъ чертъ, простили ему всѣ недостатки, какими онъ, несомнѣнно, обладаетъ, — потому что не бываетъ безгрѣшныхъ людей, и въ тотъ самый моментъ, когда знакомые укрѣпили за вами и вашимъ пріятелемъ кличку неразлучные — *inséparables* — вы теряете изъ виду вашего любимца. Утромъ, еще вы съ удовольствіемъ наблюдали, какъ онъ передъ зеркаломъ повязывалъ галстухъ, купленный по вашему совѣту, и помогали ему вставить непокорныя запонки въ твердые рукавички. Онъ отправился съ визитомъ къ своему чиновному земляку, къ директору такого-то департамента, поѣхалъ въ Смольный монастырь повидать троюродную племянницу и повезъ ей корзину сластей, или-же пошелъ пройтись по Невскому и купить у Фельтена или Бегрова французскую гравюру, чтобы украсить ею свой провинціальный кабинетъ. Выждете, заѣзжаете вечеромъ въ гостиницу, — его нѣтъ. Завтра—тоже самое. Проходитъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ вы какъ будто охлаждаетесь къ непостоянному другу. Черезъ мѣсяцъ или два вы ужъ совсѣмъ охладѣли. Вамъ даже неизвѣстна причина, почему такъ внезапно исчезъ изъ виду вашъ другъ. Уже не сердитъ-ли онъ за что-нибудь на васъ? Вы перебираете въ памяти всѣ мелочи—кажется, за вами нѣтъ никакой вины. Напротивъ, другъ забылъ даже очистить маленькій общій счетъ и увезъ вашу жемчужную булавку, которую вы сами вкололи въ его галстухъ и которой вы, разумѣется, не придаете большой цѣны. Другъ тоже не придаетъ ей никакой

цѣны. Но онъ не придаетъ цѣны и вамъ самимъ. Это немножко обидно. Впрочемъ, вы петербуржецъ и слѣдовательно, въ нѣкоторой степени философъ. Утѣшившись нѣсколькими холодными фразами, вы продолжаете тянуть свою петербургскую ляжку, заводите новыя, мимолетныя, дружескія связи, и такъ проходитъ время, постепенно убѣлая ваши волосы своимъ снѣгомъ (если вы не краситесь, между нами сказать). Такъ случилось, что я, наконецъ, самъ забылъ Льва Петровича и совершенно пересталъ

Рисунокъ Л. Бакста.

дугся на него. Я не получалъ отъ него писемъ и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о немъ.

Что касается Сеславина, то его поощалъ и вообще рѣдко. Выставка его картинъ произвела маленькій шумъ въ газетахъ. Но это было далеко не то, чего онъ ожидалъ. Наши критики—и я принадлежу къ ихъ числу—не легко замѣчаютъ выдающіяся стороны таланта. Они предпочитаютъ молчать о нихъ. За то ни одинъ промахъ не ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Если бы художественное произведеніе можно было сравнить съ женщиной, они поставили бы этой красавицѣ въ вину какой-нибудь незначительный недостатокъ и только о немъ и гово-

рили-бы. Напримѣръ, они кричали-бы, что у ней нѣтъ голоса, хотя она не фигурировала на выставкѣ красоты, какъ пѣвица. Ихъ чрезвычайно обижало бы, что она не говоритъ по-французски, хотя они сами тоже не говорятъ по-французски. Они были-бы огорчены, что она не читала „Капиталъ“ Маркса и философіи Спенсера. Если бы она была смугла, они всѣхъ увѣрили бы, что она негрятника. Объ ея красотѣ они не сказали бы ни слова. Я не знаю, отчего проеиходитъ эта несправедливость, отчего такъ жестоки, близоруки и односторонни наши критики?

На другой же день послѣ открытія выставки Сеславина, я сѣлъ и написалъ страстную статейку, въ которой распространился о необыкновенномъ мастерствѣ художника, о поэтическомъ освѣщеніи его, яркомъ колоритѣ, о граціи и строгости рисунка. Я выдвинулъ впередъ все, что было хорошаго въ этомъ сильномъ дарованіи, и вопреки установившемуся критическому обычаю, нарочно не остановился на его недостаткахъ. Но уже заканчивая статейку, я сталъ испытывать что-то въ родѣ стыда. Живя среди волковъ, я не по волчьимъ завылъ. Я представилъ себѣ, какимъ диссонансомъ прозвучитъ мой голосъ въ хорѣ другихъ критическихъ отзывовъ. На меня посыпятся обвиненія въ кумовствѣ, прежде всего. Затѣмъ, при встрѣчѣ, мои товарищи по оружію будутъ качать головой, махать руками или съ улыбкой сожалѣнія смотреть на меня. Пожалуй, распространился еще слухъ, что я беру взятки. Узнаютъ, что я три раза завтракалъ у Сеславина и объ этомъ раструбятъ, какъ о преступленіи. Самъ редакторъ газеты, гдѣ я сотрудничаю, подавая мнѣ руку, покасається. Между тѣмъ, Сеславинъ найдетъ, что я недостаточно его похвалилъ. Это правда, я не называлъ его гениемъ, а только написалъ, что дарованіе его дошло до той черты, за которой начинается гениальность. Съ точки зрѣнія Сеславина, такое опредѣленіе его таланта равносильно ругани. Развѣ онъ не считаетъ себя равнымъ Рафаэлю, Рембрандту и Рубенсу? Тутъ ксати въ моемъ воображеніи представилъ самъ Сеславинъ. Казалось, онъ сидитъ противъ меня и на самолюбивомъ лицѣ его играетъ такая адская горделивость, что я чуть не изорвалъ съ самага начала свою статейку. Этотъ Силепъ и маниакъ требуетъ поклоненія себѣ, какъ божеству! Лично онъ мнѣ несимпатиченъ въ высшей степени. Онъ презираетъ меня, какъ критика, и могу ли я ему это простить? Нѣтъ, въ лучшемъ случаѣ я буду безпристрастенъ! Въ самомъ дѣлѣ, я сдѣлаю полный очеркъ его дарованія — свѣтлыхъ и тѣневыхъ сторонъ его таланта. Такъ я и поступилъ. Я написалъ и это. Однако, сотрудникъ предполагаетъ, а редакторъ располагаетъ. Въ печати появилась только вторая половина статейки. Я побѣждалъ ссориться, и мнѣ очень любезно объяснили, что первые листочки статьи потеряны мотранпажемъ, но что статья моя отъ этого, кажется, только выиграла. Наконецъ, это такіе пустяки! Я подумалъ и согласился, что пустяки. Воображаю, что дѣлалось съ Сеславинимъ, когда онъ прочиталъ мою замѣтку! Оправдываться передъ нимъ, значило бы испытать новое униженіе. Да и кто, не стоящій близко къ газетной механикѣ, удовлетворился бы такимъ оправданіемъ? Разумѣется, я совсѣмъ пересталъ бывать у Сеславина. Онъ встрѣтился со мной какъ-то въ саду и отвернулся. Я тоже отвернулся.

Такимъ образомъ, мы стали врагами.

VII.

Въ концѣ лѣта, походившаго на глубокую осень, я взялъ однажды крытыя дрожки и вѣлѣлъ ѣхать

на острова, гдѣ въ одномъ изъ садовъ обѣзжился рѣдкая пансонетная пѣвица. Ею полны были газеты и куплеты ея — признаюсь, самага дурацкаго содержания — „гляди туда, а здѣсь ницъ“... такъ начинались они, вообще что-то необыкновенно пошлое — распѣвались досужими людьми, ексвозь зубы, на улицахъ и должно быть, въ семейныхъ домахъ, потому что они были положены уже на музыку и ноты продавались въ ужасающемъ количествѣ. Я не видѣлъ портретовъ новой загородной звѣзды — передъ этимъ недѣлю двѣ не выходилъ изъ дому, боленъ былъ я инфлуэнцой, но слышалъ восторженные отзывы объ ея паружности. Если же Петербургъ о чемъ-нибудь начинаетъ говорить и кричать, то какъ-то совѣстно не взглянуть на предметъ его восторговъ. Я напередъ зналъ, что увижу то же самое, что уже видѣлъ, но крайней мѣрѣ, пятнадцать разъ. Пятнадцать звѣздъ виходило и закатывалось надъ островами въ теченіе пятнадцати лѣтъ и пятнадцать разъ вливалась въ души петербуржцевъ мутная волна каскадныхъ мотивовъ. Однако же, должно быть, есть въ натурѣ столичнаго жителя какой-то порокъ — потребность слушать зимою Патти, Нильсонъ, Луку, Зембрихъ и Мравину, а въ августѣ мѣсяцѣ раздражать свои уши козлиными мелодіями „премированныхъ красавицъ“, ласкать зрѣніе созерцаніемъ ихъ голыхъ ногъ и отравлять свой желудокъ ужинами въ ихъ обществѣ. Перспектива ужина мнѣ не улыбалась. Но я долженъ былъ заплатить дань островамъ — этого требовало общественное мнѣніе столицы.

На афишахъ, которыми были оклеены заборы и ворота увеселительнаго сада, была изображена красавица, во все ростъ, въ необычномъ декольтѣ и съ вѣеромъ въ рукѣ, гарнированной выше локти.

При свѣтѣ электрическаго фонаря, можно было ясно прочесть афишу. Надъ безконечной программой была напечатана магическая строка: „Королева звѣздъ m-lle Пелажки“. Чѣмъ-то знакомымъ, какъ это ни странно, повѣяло на меня отъ этого имени. „Пелажки?“ повторилъ я, припоминая... и сейчасъ же разсмѣялся надъ собою. Кто изъ насъ не испытывалъ этого?.. Какал-нибудь ничтожная мелочь представляется на секунду важною, надъ ней останавливаешься, задумываешься, но уже никакъ не можешь уловить: она куда-то исчезла, словно мозгъ — темный океанъ забвенія, а мелочь капля свѣтлой воды. Ницъ эту каплю! Да еще у подъѣзда увеселительнаго сада! Я вошелъ въ ворота и вздрогнулъ отъ охватившей меня сырости. Народу было видимо-невидимо. Кажется, это было послѣднее представленіе „королевы звѣздъ“. На открытой сценѣ уже двѣ дѣвочки, держа другъ друга за руки и за ноги, кувыркались, вспрыгивали на трапецію, раскачивались, и вообще проходили школу славы или славную школу съ самага нѣжнаго возраста. Публика плотнодно орала и слышался трескъ аплодисментовъ. Но центръ сада былъ не здѣсь, а въ закрытомъ театрѣ. Я взялъ билетъ и сѣлъ въ партерѣ. Какъ разъ прозвонилъ звонокъ, занавѣсъ взвился и въ коротенькихъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, безчисленныхъ газовыхъ юбкахъ, напоминавшихъ своей воздушностью одуванчикъ, вся сверкающая брилліантами, — я полагаю, фальшивыми, — въ вѣнчикъ изъ желтыхъ розъ на черныхъ густыхъ волосахъ, выбѣжала, высоко подпрыгнувъ и сдѣлавъ низкій реверансъ, m-lle Пелажки. При первомъ взглядѣ на нее, я вспомнилъ „мелочь“, ускользнувшую отъ меня, когда я стоялъ передъ афишей. Это была сибьора Пеладжи! Нельзя было сомнѣваться — ея красивый, горбатый носъ, маленькій розовый ротъ, жемчужная шпка зубовъ, смуглыя плечи, ея овалъ лица, и — эти черные, большіе, жгучіе глаза! Какъ это случилось? Какимъ образомъ изъ натурщицы

Рисунок Л. Бакста.

она сдѣлалась королевой звѣздъ и изъ италіанки—французской? Я не пожалѣлъ, что поѣхалъ въ садъ. Нѣсколько минутъ я не отрывалъ глазъ отъ бинокли.

Необработаннымъ, но сильнымъ голосомъ,—всѣ каскадистки поразительно смѣлая дамы,—она затянула французскую пѣсенку съ чисто парижскимъ шикомъ. Она пѣла и курила: во время паузы держала папироску въ зубахъ, обѣими руками приподнимала тунику и маршировала по сценѣ, качая головой направо и налево.

Я не лицемѣръ, я не прочь отъ грѣха, но въ этихъ тѣлодвиженіяхъ m-lle Пеладжи и во всемъ, что она продѣлывала на сценѣ, было что-то возмутительно противное. Я звалъ, что красота ея, дѣйствительно, рѣдкая, и мнѣ было обидно за красоту. Мнѣ хотѣлось бы видѣть ее въ другой обстановкѣ, ужъ лучше въ храмѣ грѣха, а не въ храмѣ разврата. Самъ грѣхъ краснѣлъ, глядя на королеву звѣздъ! Публика приходила въ неистовство, и ея бѣшенныя ликованія только подзадоривали пѣвицу. Она стала изображать нѣжную кокетку, и мнѣ показалось, что кто-то, сидѣвшій рядомъ со мной, умеръ отъ блаженства.

Въ то время, какъ всѣ отбивали себѣ руки или стучали тростями въ полъ, одинъ сосѣдь мой мол-

чалъ. Я невольно опустилъ бинокль и посмотрѣлъ на него.

— Левъ Петровичъ!

Онъ заморгалъ глазами и улыбнулся самымъ дружескимъ образомъ.

— Какъ неожиданно!

— Неожиданно, правда? спросилъ онъ,—но трудно было опредѣлить, что неожиданно: наша встрѣча съ нимъ или превращеніе снѣжоры Пеладжи въ m-lle Пеладжи?

— Потомъ поговоримъ, сказалъ Воронцовъ, махнувъ мнѣ своей короткопалой ручкой.—Бисъ!—заревѣлъ онъ вдругъ адскимъ голосомъ и подаль знакъ (мы сидѣли въ первомъ ряду) музыканту, который немедленно нагнулся и вытащилъ изъ-подъ пюпитра золотой рогъ изобилія, наполненный бѣлыми камелями и украшенный кисточкой—жемчужнымъ колье, вскарабкался до половины рампы и передалъ пода-рокъ королевѣ звѣздъ.

Театръ заревѣлъ, какъ тысячеголосый звѣрь. Пѣвица стала благодарить, прижимая руку къ сердцу и припадая, и отцѣпила колье отъ рога изобилія, а его передала слугѣ, который выскочилъ изъ-за кулисъ и унесъ цвѣты.

Когда публика, наконецъ, успокоилась и капелмейстеръ ударилъ палочкой, m-lle Пеладжи, нетерпѣливо отсчитывая тактъ ножкой, улыбнулась Леву Петровичу, послѣ чего запѣла на ломанномъ русскомъ языкѣ свои знаменитыя куплеты. „Кляти сута, а тамъ ишии“. Она подражала французскому акценту съ такой напвной наглостью, что всѣмъ казалось вполне естественной. Франко-русскихъ симпатій еще не было, но онъ, очевидно, уже носился въ воздухѣ и „королева звѣздъ“ была ихъ первой прово-звѣстницей. Ее страшно долго держали на сценѣ. Она должна была повторить весь свой репертуаръ, она даже исполнила характерный танецъ—„le казашокъ“. Занавѣсъ опустился,—слава Богу!

І. Ясинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Римъ, 17 (5) января (отъ нашего корреспондента). Зима въ Римѣ сухая и ясная. Небо невольно располагаетъ къ веселью, и римляне въ полной мѣрѣ веселятся, несмотря на дурное экономическое положеніе Италіи. Иностранцы, конечно, о послѣднемъ обстоятельстве ничего не хотятъ знать. Они пріѣхали сюда провести хорошо время и наслаждаться. И рѣдкій сезонъ представлялъ столько изысканныхъ удовольствій, какъ нынѣшній. Одна Дуза чего стоитъ! Проигравъ весь свой циклъ представлений, на который нельзя было достать билета, такъ какъ билеты за мѣсяцъ и больше раскупили. Дуза начинаетъ теперь второй циклъ. „Сонъ въ весеннее утро“ D'Анунціо, принятый въ Парижѣ многими съ большимъ энтузіазмомъ—въ Римѣ провалился и теперь снятъ съ репертуара. Дуза, какъ передаютъ газеты, хочетъ вмѣстѣ съ Цакони сыграть „Мертвый городъ“ D'Анунціо, который пойдетъ скоро въ парижскомъ „Renaissance“ и отъ котораго Сара Бернаръ въ восхищеніи.

Кромѣ Дузы, которая является заѣзжимъ гостемъ, готовымъ сейчасъ же уѣхать, Римъ въ настоящую зиму привлекаетъ публику рядомъ крайне интересныхъ концертовъ. Цѣлыхъ три музыкальных общества заняты организаціей концертовъ. „Общество Вагнера“, „Квинтетъ Гуллини“ и „Оркестръ Пинелли“ даютъ еженедѣльно по нѣсколько концертовъ, не говоря про отдѣльные концерты скрипачей и пианистовъ. Весьма любопытный, на примѣръ, концертъ былъ данъ недѣлю да тому назадъ Dolmetsch'омъ изъ сочиненій композиторовъ 17 и 18 столѣтій на старыхъ инструментахъ.

«Римское оркестральное общество» подъ дирекціей Пинелли, вступившее въ 25-й годъ музыкальной дѣятельности, дало на дняхъ 2-ой симфоническій концертъ, посвященный русскимъ композиторамъ. Первый былъ посвященъ пѣщамъ: Брамсу, Бетховену, Вагнеру и Гумпердинку. Третій будетъ исключительно французскій, а четвертый—итальянскій. Нечего и говорить, какой интересъ представляютъ такіе концерты, составленные со строгимъ критеріемъ, и какое воспитательное значеніе они имѣютъ. Съ точки зрѣнія патріотизма, тоже радоваться приходится. Русскій концертъ, какъ мнѣ показало, весьма понравился элегантною и интернаціональною публикѣ, средн которой, впрочемъ, было не мало и русскихъ.

Въ четырехугольной залѣ Данте съ почти совершенными голыми стѣнами, на одной изъ которыхъ виситъ камей-барельефъ съ голой поэзіей, собралось столько народу, въ особенности дамъ, что многимъ пришлось стоять у дверей. Вдругъ все зашикло. Оркестръ настроивается, бросивъ непріятную для слуха настройку. Пинелли стоитъ на своемъ мѣстѣ, поднявъ вверхъ палочку и повернувъ лицо къ двери. Публика поднимается съ мѣста. Раздается королевскій маршъ, и въ дверяхъ показывается королева подъ руку съ молодымъ принцемъ Туринскимъ. Королева Маргарита, не пропускающая ни одного концерта, изъ одного выдающегося артиста или артистки, усаживается съ улыбкой на лицѣ въ приготовленное кресло-тронъ, за ней вся публика и свита. Затѣмъ начинается концертъ.

Вотъ программа: Глазунова «1-ая увертюра изъ 3 греческія темъ»; Бородина «Въ степяхъ Азіи»; Глинки «Камаринская»; Римскаго-Корсакова «Садко» и Чайковскаго «Элегія и полонезъ» (изъ Suite in Re). Особенно понравилось публикѣ увертюра Глазунова и полонезъ Чайковскаго. Камаринская Глинки тоже вызвала одобреніе. «Садко» менѣе всего понравился. Въ прессѣ отзывы въ общемъ благоприятны. Находятъ, что русская музыка слишкомъ описательна, объективна. Въ особенности, въ «Садко» элементъ описательный чересчуръ преобладаетъ и музыка кажется немного грубой, неоптимальной. Многие отмахиваются. Я объясню это тѣмъ, что итальянцамъ русская музыка чересчуръ еще чужда и они не выяснили себѣ достаточно ея характера.

«Въ степяхъ Азіи» вызываютъ къ меланхолическимъ и фантазированию. Киргизская или вообще восточная мелодія перемѣнивается съ протяжной русской мелодіей солдатъ, сопровождающихъ караванъ. Роскошно передано настроеніе безконечной песчаной пустыни. «Камаринская», полная дѣлаго веселья и необузданности, благодаря своему быстрому темпу, ближе всего къ національнымъ итальянскимъ мелодіямъ. Полонезъ Чайковскаго, мнѣ кажется, всего дальше отъ чисто русскаго характера, и сильнѣе всего походитъ на современную западно-европейскую музыку. Рѣдкое исполненіе оркестра доставило огромное удовольствіе.

Лжанди.

Считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ пьесы «Петръ Великій». Нужно отдать справедливость англійскому автору,—онъ довольно добросовѣстно, для иностранца, изучилъ историческія подробности эпохи.

При поднятіи занавѣса, передъ зрителемъ одна изъ кремлевскихъ палатъ съ видомъ на башни и кунолы самого Кремля. Длиннобородые бояре въ богатыхъ одеждахъ, пьютъ и ѣдятъ, примѣшивая къ пирушеству разговоры о томъ, что царь Петръ побѣжденъ турками и что теперь на его мѣсто можно посадить царевича Алексѣя Петровича. Евдокія удерживаетъ своего малолѣтняго сына отъ слѣдлага шага и затѣмъ въ комнату входитъ самъ побѣжденный Петръ со всѣмъ своимъ дворомъ и военной свитой. Всѣ они подъ хмѣлкой. Петръ въ шапкѣ, зеленомъ военномъ мундирѣ, подъ которымъ виденъ открытый шелковый жилетъ, въ длинныхъ шерстяныхъ чулкахъ, съ толстой палкою въ рукѣ.

Вскорѣ на сценѣ появляется и царица Екатерина. Она — въ мужскомъ костюмѣ, въ которомъ сопровождала Петра подъ Азовъ. Петръ возмущается женственной, бездѣльной натурой царевича Алексѣя. Извѣстіе о взятіи Риги приводитъ его, впрочемъ, въ хорошее настроеніе, и мнѣнія суровый тонъ на снисходительный, онъ начинаетъ дружески разговаривать съ сыномъ.

Второй актъ открываетъ передъ зрителемъ хижину на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ впоследствии появиться Петербургъ. Царевичъ Алексѣй, ничего не выучившій изъ ланной ему книги, бесѣдуетъ съ красавицею Евфросиніею, которая не прочь сдѣлаться со временемъ царицею. Является Петръ. Горячій разговоръ. Петръ экзаменуетъ царевича, предлагаетъ начертить геометрическую фигуру, но Алексѣй, желая уклониться отъ отвѣскаго гнѣва, заявляетъ, что ранилъ себя въ руку пистолетомъ. Между отцомъ и сыномъ обнаруживается пропасть. Въ книгѣ Оомы Аквинскаго, которую царевичъ всегда держитъ въ рукахъ, Петръ усматриваетъ отмыченныя мѣста, осуждающія жизнь и стремленія Царя. Петръ требуетъ отъ царевича, чтобы онъ сталъ солдатомъ или постригся въ монахи.

Третій актъ переноситъ зрителя на дальній югъ, въ Ка-

стель Сант-Эльмо, подл. Неаполемъ. За террасою, на которой происходитъ дѣйствіе, виденъ голубой морской заливъ, а въ отдаленіи подымается огнедышащій Везувій. Туда, въ этотъ дальній уголокъ, бѣжалъ царевичъ Алексѣй. Вѣрные друзья, какъ Кикинъ и духовникъ Игнатъевъ, спасли его отъ монастыря. Тамъ-же и Евфросинія, переодѣтая пажемъ. Царскіе шпіоны, однако, выслѣдили царевича. Петръ Толстой и полковникъ Бауэръ сами прѣехали въ Неаполь.

Наконецъ, наступаетъ самый серьезный моментъ драмы. Четвертое дѣйствіе изображаетъ одну изъ залъ петербургскаго сената, гдѣ долженъ состояться судъ надъ царевичемъ. Посреди залы столъ, на который рабочий ставитъ модель судна, такъ какъ Царь желаетъ работать въ то время, когда будетъ происходить судъ. Входятъ духовные и свѣтскія чины и занимаютъ мѣста вдоль круглыхъ стѣнъ залы. Надъ скамьями подымается галерея, гдѣ появляется Екатерина. Предсѣдательствуетъ Толстой, устланный на высокомъ стулѣ у парскаго стола. Вскорѣ входитъ и самъ Царь. Онъ снимаетъ съ себя кафтанъ и приступаетъ къ работѣ надъ моделью.

— Ступай отсюда! говоритъ онъ, — обращаясь къ Екатеринѣ, нахажившейся на галерею, — займись своимъ ребенкомъ.

— Думай о своемъ ребенкѣ! отвѣчаетъ Екатерина.

Являются свидѣтели, однимъ своимъ видомъ производящіе ужасъ, такъ какъ ихъ пытали. Кикинъ почти обнаженъ, лицо его блѣдно, на сорочкѣ кровь, онъ не въ состояніи сѣсть. Священникъ Игнатъевъ ослѣпленъ. Въ то время, когда читаются показанія свидѣтелей, царь работаетъ надъ моделью, заглядывая въ мемуары полковника Бауэра или будитъ палкою одного офицера, который то и дѣло засыпаетъ. Последнею является Евфросинія.

Последній актъ—кратокъ. Царевичъ Алексѣй—въ тюрьмѣ. Его постигаетъ Петръ и въ разговорѣ съ сыномъ дѣлается чувствительнымъ. Самъ царевичъ смягчается и признается отцу, что исполнѣ оцѣниваетъ его заслуги передъ Россіею. Въ ту минуту, когда Петръ разсается съ Алексѣемъ, чтобы съ нимъ больше никогда не увидѣться, и ему сообщаютъ о смерти его сына отъ Екатерины.

— Слѣдуетъ-ли отложить торжество по случаю полтавской побѣды? спрашиваетъ посолъ, принесшій это извѣстіе.

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ Петръ.—Полтавскій бой заслужилъ это торжество, и онъ его получитъ!

Любопытно, что отзывы печати крайне благоприятны этой исторической драмѣ. По пересказу судить, конечно, трудно, но кажется, здѣсь не мало сумбура.

Въ Туринѣ открывается въ 1898 г. театральная выставка. Предполагается разбить ее на два главныхъ отдѣла, изъ которыхъ первый будетъ знакомить съ современнымъ состояніемъ итальянскаго театра, а второй — съ его прошлымъ. Въ первомъ отдѣлѣ рѣшено выставить все то, что можетъ дать понятіе о современномъ репертуарѣ, артистахъ, труппахъ, театральныя зданія, постановкѣ пьесъ, техническихъ усовершенствованіяхъ, касающихся сцены, костюмахъ, декораций, свѣтовыхъ эффектахъ и т. п.

Здѣсь будутъ собраны рукописи, печатныя изданія пьесъ, старинныя книги о театрѣ, ноты, гравюры, портреты и бюсты актеровъ и драматурговъ, маски, костюмы. Посѣтитель этого отдѣла получитъ возможность наглядно прослѣдить исторію театра въ Италіи съ 500-го года вплоть до нашихъ дней.

Во время выставки предполагается сдѣлать сценическихъ дѣятелей, — актеровъ, антрепренеровъ, драматурговъ, театральныя критиковъ, рецензентовъ,—для обсуждения касающихся театральнаго міра вопросовъ. Затѣмъ, состоится оригинальное состязаніе (въ роли бывшаго на вѣнской выставкѣ) между разнообразными итальянскими труппами, которыя послѣдовательно будутъ играть на выставочной сценѣ, оспаривая одна у другой пальму первенства, и такое же состязаніе между многочисленными театрами марионетокъ, все еще пользующимися въ Италіи большою популярностью. При выставкѣ устраивается для оживленія современной итальянской драматической литературы, конкурсъ драматурговъ для соисканія преміи за два лучшихъ драматическихъ произведенія на итальянскомъ языкѣ.

Во время выставки предполагается организовать рядъ публичныхъ лекцій и бесѣдъ по вопросамъ сценическаго искусства.

Въ будущемъ году по поводу 50-ти лѣтъ царствованія императора Франца-Иосифа предложено организовать конкурсъ военныхъ хоровъ различныхъ армій Европы. Конкурсъ состоится въ концѣ мая 1898 г. въ Вѣнѣ и продлится два дня. Преміи назначены въ 5, 4, 3, 2 и 1 тысячу кронъ.

Театральная провинція.

Провинція веселилась на праздникахъ и веселилась съ истиннымъ „воодушевленіемъ“. „Нижегород. Листокъ“, наиримѣрь сообщаетъ:

Въ К— въ произошелъ недавно трагико-комическій инцидентъ. Виновницею инцидента была иностранная артистка.

Въ то время, когда она была на сценѣ, судившій въ ложѣ верхняго яруса пѣкій домовладѣлецъ, поды влияніемъ Бахуса, такъ былъ наэкзальтированъ, что вышелъ изъ рамокъ всякаго приличія и сталъ выражать свои восторги черезчуръ своеобразно, чтобы не сказать болѣе. Онъ началъ бросать на сцену апельсинныя дольки, конфеты и въ заключеніе, — когда восторженность его дошла до полнаго самозабвенія — онъ бросилъ въ пѣвицу десертную тарелку. „По вопиющему азарту поклонника встрѣтилъ соотвѣтственный отпоръ его стороны „ташанта“. „Артистка, не ожидавшая такого сюрприза“, перестала пѣть, съ изумительной быстротой вбѣжала въ ложу, гдѣ сидѣлъ ее поклонникъ, и отвѣсила ему двѣ довольно звучныя пощечины“...

Но есть и картины менѣе бранныя и болѣе идиллическія.

Такъ, въ кievскій театръ Соловцова, въ одну изъ литературныхъ ложъ, явилась компанія съ самоваромъ, чаемъ и сервизомъ, виномъ и десертомъ. Все это было поставлено на столъ, съ присоединеніемъ двухъ зажженныхъ свѣчей. Въ антрактахъ общество усаживалось за столъ, и всѣ пили чай совершенно какъ дома...

Въ Томскѣ произошелъ такой случай въ „театральной маскарадѣ“. Два джентльмена, увлекшись стройной, изящной фигурой маски, изображавшей „деву“, угощали прелестную незнакомку сначала въ фойе, а затѣмъ попросили ее открыть свое личико... Желаніе джентльменовъ было удовлетворено, и ихъ восторженнымъ взорамъ улыбнулось... сморщенное личико 50 лѣтней дамы... Негодованіе смѣшило восторгъ и джентльмены обратились къ полиціи съ просьбой — арестовать (!) эту даму за обманъ и за чувствъ и за разбитыя иллюзіи.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТУЛА. Тула принадлежитъ къ числу немногихъ городовъ нашихъ, въ которыхъ насчитывается населенія болѣе ста тысячъ душъ, и однако же городского театра у насъ нѣтъ и вообще городъ, или вѣрнѣе, городское управленіе къ театру дѣлу не проявляетъ никакого участія. Отмѣчаемъ это, во-первыхъ, въ укоръ нашимъ „отцамъ города“, а во-вторыхъ, въ поясненіе того, какъ сравнительно неблагоприятно поставлена въ Тулѣ театральная антреприза. Зданіе театра принадлежитъ частному лицу, и хотя антрепренеръ снимаетъ его на самыхъ льготныхъ условіяхъ, расходовъ на содержаніе его требуется довольно много, такъ какъ ни декораций, ни вообще необходимыхъ аксессуаровъ при театрѣ нѣтъ. Къ тому же въ виду того, что зданіе — деревянное, антрепренеру пришлось устроить на свой счетъ электрическое освѣщеніе. При такихъ условіяхъ, нужно немало энергіи и умѣнія, чтобы извернуться и свести концы съ концами. И надо отдать справедливость нашему антрепренеру, г. Томскому — и энергіи, и умѣнія ему не занимать. Ужъ какъ онъ изворачивается. Богъ ему судья, но вотъ ужъ шестой годъ онъ держитъ въ Тулѣ театръ и — что въ наше время большая рѣдкость — платитъ всѣмъ актерамъ жалованье.

Эго — вѣдущая сторона. Но нельзя не признать, что и вутреннее веденіе дѣла заслуживаетъ похвалы. Репертуаръ, вообще говоря, весьма приличенъ. Извѣстно, что публика — всякая вообще публика, а провинціальная въ особенности — надка на мишурныя зрѣлища, и мелодрамы, иногда и совсѣмъ лучшія, привлекаютъ зрителей скорѣе, чѣмъ изъ хорошаго комедія. Волей-неволей приходится отдавать дань этимъ вкусамъ публики. Изъ мелодрамъ поставлены были у насъ „Замонастырской стѣной“ и „Два подростка“. Но основной репер-

туаръ являются все же пьесы современныя, изъ которыхъ составляется репертуаръ и столичныхъ театровъ. Нашей публикѣ уже показали и „Злую яму“, и „Джентльмена“, готовятся къ постановкѣ „Борьба“ и даже „Потопившій колоколь“, Наконецъ, довольно часто даютъ и пьесы классическаго репертуара — преимущественно на утреннихъ спектакляхъ, которые даются для воспитанниковъ учебныхъ заведеній и весьма охотно посѣщаются и взрослыми. Какъ видите, все это вовсе недурно.

Исполняются эти пьесы... Впрочемъ, мы еще совсѣмъ не знаемъ нашей труппы. Надо сказать о ней нѣсколько словъ.

Самъ актеръ, г. Томскій, конечно, превосходно знаетъ театральное дѣло въ Россіи и почти всѣхъ братьевъ-актеровъ знаетъ въ лицо. Поэтому, несмотря на сравнительно-малыя средства, онъ сумѣлъ собрать весьма удовлетворительный ансамбль. У насъ есть даровитая актриса г-жа Малеева, которая съ успѣхомъ провела такіе роли, какъ Катерина („Гроза“), Медяка, Василиса Мелентева, Ольга Ранцева. На роли ingenu драматическаго — если необходимо придерживаться устарѣвшей терминологіи — мы имѣемъ недурную актрису г-жу Вейманъ, которая выступала и въ очень трудныхъ роляхъ, какъ напримеръ, Лариса въ „Безприданницѣ“, и если нельзя сказать, чтобы г-жа Вейманъ была игрой безупречно, то все-же одно несомнѣнно она не лишена дарованія и при добросовѣстной работѣ можетъ достигнуть серьезныхъ успѣховъ. Непомѣнный успѣхъ имѣетъ г-жа Арибашева, молодая и если можно такъ выразиться, жизнерадостная артистка, которая играетъ съ увлеченіемъ, съ заразительной веселостью, и была бы замѣтна во всякой группѣ. Можно еще отмѣтить г-жъ Гегеръ-Глазункову и Славину — „благородную мать“ и „комическую старуху“ и г-жу Арли, молодую, начинающую актрису, которая дѣлаетъ еще только первые шаги. Не столь позоръ мужской составъ труппы. Главнѣйшій недостатокъ — отсутствіе „любовника“, но кто же не знаетъ, что теперь порядочнаго любовника и днемъ съ огнемъ не отыщешь. Однако же, и среди актеровъ можно отмѣтить несомнѣнно способнаго актера — г. Гаврило-Добровольскаго, который умѣетъ морить публику со смѣхомъ не всегда даже прибѣгая къ шаржу, и г. Жуковскаго.

И вотъ, пьесы разыгрываются весьма прилично, иногда даже и хорошо. Публика, повидимому, довольна, и дѣла идутъ, можно сказать, не плохо, ни плохо, ни на сторону.

Никто.

САРАТОВЪ. Нашъ знаменитый городской театръ въ настоящее время переживаетъ самую страдную пору. Праздничные спектакли, значительно обновленный репертуаръ, наконецъ, начавшіяся, своимъ чередомъ, бенефисы все это значительно поднимаетъ театральныя сборы. Театръ ежесекундно переполненъ, сверху до низу, публикой. И не мудрено, что именно теперь, съ особенною силою, ощущается потребность въ обширномъ театрѣ. Едва ли нашъ мизерный театръ выгоденъ и для товарищества М. М. Бородаевъ. Саратовское городское управленіе, своими контрарными условіями, ставитъ драматическую труппу въ затруднительное положеніе. Приходится играть большую часть сезона, включая сюда Рождество и масленицу, въ театрѣ, дающемъ даже при бенефисныхъ пѣнахъ, только 900 р., тогда какъ казанскій театръ, даже при сборахъ обыкновенныхъ, разсчитанъ на полторы тысячи руб. Вполнѣ понятно, что при тѣхъ „форсированныхъ“ сборахъ, какіе дѣлаетъ труппа М. М. Бородаевъ, въ ея бюджетѣ, къ концу сезона, образуется большой дефицитъ и товарищество, состоящее почти изъ 40 персонажей, едва ли раздѣлитъ свои полнѣйшія рублемъ.

Праздничный репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: 26 декабря (утромъ) — „Снѣгурочка“, вечеромъ — „Смерть Іоанна Грознаго“; 27 (утромъ) — „Русская свадьба“, вечеромъ — „Борьба за существованіе“ (въ память А. Дюма); 28 (утромъ) — „Дон-Кихотъ“ Сарду, вечеромъ — „Два подростка“; 29 — „Джентльменъ“; 30 — бенеф. Ж. Т. Агаревой-Инсаровой — „Дружнѣйство“, „Любевъ“; 31 — „Дамская война“, „Финишъ“ Зудермана; 1 января (утромъ) — „Мѣшанинъ-дворянинъ“, вечеромъ — „Плоды просвѣщенія“, 2 — бенефисъ А. И. Каширина — „Семь преступниковъ“, „Съ лѣвой руки“; 3 (утромъ) — „Разгромъ“; 4 (утромъ) — „Снѣгурочка“, вечеромъ — „Зимняя сказка“; 6 (утромъ) — „Дѣти капитана Гранта“, вечеромъ — „Царь Борисъ“ и „Лекарь поневолѣ“ Мольера.

7 января, въ бенефисъ К. Н. Яковлева, давалась новая пьеса „Согрѣшилъ“ мѣстнаго автора Е. К. Скворцовой (Левинъ). Последняя, къ слову сказать, еще весной прошлаго года дебютировала другой своей пьесой „Последнее испытаніе“. „Согрѣшилъ“ — драма изъ купеческаго быта. Вотъ ея незамысловатое содержаніе: въ большомъ приволжскомъ городѣ проживаетъ богатая купеческая семья, „самъ“ Никита Ѳедосѣвичъ Пѣтушковъ и его жена — Ѳекла Интелѣевна. Оби-люди пожилые, живутъ по старымъ вѣдовскимъ традиціямъ. Но вотъ, пріѣзжаетъ изъ пансіона вѣдучка, Любочка, и при-носитъ съ собой компаньонку — пѣвку Готлибъ. Последняя умна, красива, умѣетъ пѣть романсы подъ „гитару“ и даже плясать „руссаго“. Кушечъ „задурилъ“, влюбился, и не мудрено, что Никита взялъ его въ руки, требуя удаленія закон-

ной половины. Драма кончается тихимъ упоминательствомъ Оеклы Пантелъевны и позднимъ раскаяніемъ «самодура». Мотивъ несложный, но благодарный. Однако, задача оказалась не по силамъ автору. «Самъ» написанъ несложно и даже какъ бы отодвинутъ на задній планъ; плохо удался и другой типъ—путловатаго торговца Безбородого. Трудно вѣрится, что послѣдній не знаетъ смысла словъ: «сумнительно», «подозрительный» и т. п., а въ то же время ведетъ тонкую атаку на карманы Пѣтушкова и приказчика его Трубочева. Женскія роли написаны болѣе правдиво, но въ общемъ, пьеса скучна, растянута и плохо скомпонована. Хотѣлось бы поговорить о нѣкоторыхъ характеристикахъ языка, но это займетъ слишкомъ много мѣста. Наши артисты сыграли повинку хорошо. Успѣхъ имѣли г. Яковлевъ (Пѣтушковъ) и г-жа Шебуева (Оекла Пантелъевна). Послѣдняя искренно и трогательно провела свою роль.

Пьеса имѣла внѣшній успѣхъ и дала полный сборъ, что объясняется главнымъ образомъ популярностью автора въ нашемъ купеческомъ мірѣ, который былъ весь налицо.

9 января—бенефисъ Н. Д. Рыбчинской. Идетъ новая пьеса «Влюбленная» М. Прага и «Ревнивица» ком. Биссона и Леклерка. Готовятъ къ постановкѣ «Терезу Ракенъ» Золя, «Отрѣзанный путь» Михеева, «Питомку» Шпагинскаго, «Ложь» Дубельтъ, «Орхидею» Гарина, «Идеальную жену» Бракко и «Предразсудки» М. Чайковскаго.

Ин-то

НОВОЧЕРНАССКЪ Въ четвергъ, 8 января, въ новочеркасскомъ театрѣ состоялся 14-й общедоступный спектакль, привлечшій по обыкновенію полный залъ публики. Поставленная на этотъ разъ извѣстная пьеса «Сѣтять да не грѣть» прошла съ крупнымъ успѣхомъ, и публика получила, благодаря прекрасному ансамблю, высокое эстетическое наслажденіе. Вызовавъ и апплодисментамъ не было конца. Большой успѣхъ у публики «общедоступныхъ» спектаклей, пренаивно отождествляющей исполнителей съ олицетворяемыми ими ролями и переносящей свои симпатіи и антипатіи къ героямъ и героинямъ пьесъ на артистовъ и артистокъ, имѣла г-жа Миткевичъ въ роли Оли Васильковой; зато г-жа Холмская, прекрасно и художественно исполнявшая роль злой разлучницы Реневой, возбудила чуть ли не вавиль. Тѣмъ болѣе чести даровитой артисткѣ. Великолепнѣе былъ въ роли Худобаева г. Вадимовъ, жизненно правдивъ г. Михайловъ (Дерюгинъ), очень хороши гг. Соколовъ и Семеновъ-Самарскій, съ увлеченіемъ исполнившіе свои роли Рабачева и Залѣшина, и очень типичны въ роляхъ стариковъ дворовыхъ г. Петровъ (Ильичъ) и г-жа Агапова (Степанида). Словомъ, этотъ спектакль нельзя не причислить къ числу самыхъ удачныхъ во всемъ сезонѣ.

Въ среду, 7-го января, режиссеръ опереточной труппы А. А. Бринскій поставилъ въ свой бенефисъ оперетку «Мартинъ Рудокопъ», имѣвшую значительный успѣхъ, благодаря какъ исполненію, такъ и обстановкѣ. Новая декорация 2-го акта работы Х. Н. Урфалова оказалась чрезвычайно эффектной, равно какъ и организованная бенефициантомъ режиссеромъ «шесть» металловъ, драгоценныхъ камней и проч. Оперетка такъ понравилась публикѣ, что 9-го января была повторена уже въ бенефисъ г-жи Э. Н. Ворской.

«Первое» представленіе 4-го января пьесы «Потонувшій колоколъ» не смотря на великолепныя декорации и широкія рекламы о самой пьесѣ особаго успѣха не имѣло, и публика оказалась сильно разочарованной, такъ что объ обѣщанныхъ повтореніяхъ что-то ничего не слышно. Затраты же на постановку этой пьесы, какъ говорятъ, вставили выйти изъ бюджета нашу дирекцію, такъ что антрепренеръ С. И. Крыловъ принужденъ былъ принять на себя, вопреки контракту, большую часть расходовъ.

Матюва

ЧЕРНИГОВЪ. Театральный кризисъ ограничился, революціей въ нѣдрахъ самой труппы. Г. Левицкій уѣхалъ. Труппа осталась и кажется, достигнетъ до конца сезона. Дирекція перешла къ г. Вилинскому, а настоящимъ хозяиномъ предпріятія является все тотъ же пресловутый г. Горьловъ, который какъ извѣстно, и певецъ и въ дуду игрецъ, и докторъ, и арендаторъ театра. Послѣ отъѣзда г. Левицкаго дѣла еще ухудшились. Хотя новая дирекція продолжаетъ программу начертанную г. Левицкимъ на юбилейномъ спектаклѣ (г. Левицкій и въ Черниговѣ справлялъ юбилей): «отвлекать всѣми средствами публику отъ безобразныхъ развлеченій». Вѣрный этой программѣ г. Горьловъ съ неважною опереточной труппой ставитъ также оперы и драмы. Недостаетъ еще балета, для того, чтобы всѣ мумы разнообразнаго искусства имѣли свой алтарь въ черниговскомъ сараѣ—то бишь театрѣ. Но, очевидно, «отвлеченіе всѣми средствами» отвлекаетъ публику только отъ театра; сборы падали до самыхъ праздниковъ. Конечно, Черниговъ городъ не богатый и предпраздничное затишье должно въ немъ сильно сказываться, но съ другой стороны «отвлеченіе» было уже слишкомъ безобразно: Оперетки еще проходятъ болѣе или менѣе съ ансамблемъ. Но оперы и особенно драматическія представленія проходятъ убожествомъ. Хоръ женский, особенно женскій, оркестръ изъ 10 самоучекъ еврейчиковъ немилосердно вретъ подъ управленіемъ г. Горьлова, артисты... Впрочемъ, едва ли есть необходимость говорить о томъ, какъ поютъ оперы скверные опереточные чижики. Ого-

лосахъ мы уже не говоримъ, но самая манера пѣнія, отдающая цыганщиной, пьянымъ кабинетомъ и гитарой въ оперѣ возмутительна. Представьте себѣ идти «Демонъ». Ангела поетъ г-жа Самарова - вульгарнѣйшая пѣвица, съ плоскимъ тусклымъ голоскомъ, поетъ совершенно также какъ Стену изъ «Цыг. пѣс.». Не лучше и г. Вилинскій въ роли Синодала. Боже мой, что это была за игра?! Настоящая французская... А пѣніе напоминало Антипа изъ тѣхъ же «Цыг. пѣс.». Недурень былъ только одинъ г. Сажкинъ въ партіи Демона. Но при этомъ: полное отсутствіе игры, полное неумѣніе гримироваться и неумѣніе пользоваться голосовымъ матеріаломъ. Молодому пѣвцу надо учиться и учиться. Оперетка можетъ совсѣмъ загубить его свѣжій, но мало обработанный голосъ... И все-таки, если оперныя представленія, какъ новинка для Чернигова, и могутъ кого-нибудь «отвлечь отъ безобразнаго» (хотя опера сборовъ не дѣлаетъ), то «драматическія отвлеченія»—прямо возмутительны. Нѣтъ словъ передать всего безобразнаго впечатлѣнія, выносимаго послѣ этихъ «общедоступныхъ» спектаклей.

Подобное «отвлеченіе отъ безобразнаго» стоитъ иного привлеченія. Игрѣ соотвѣтствуетъ и репертуаръ, въ который входятъ оперные либретто «Жидовка», лубочная «Смерть Суянина» и т. п. А жаль, потому что общедоступные спектакли охотно посѣщаются сѣрой публикой. Въ заключеніе такого общедоступнаго спектакля ставится обыкновенно еще оперетка. Нужны ли такіе «общедоступные» спектакли и не развращаютъ ли они только публику, вотъ вопросъ, о которомъ стоило бы подумать, еслибы, впрочемъ, было кому у насъ объ этомъ думать. Наши любители искусства, обезкураженные недавней катастрофой, завершившейся распаденіемъ кружка и продажей съ торговъ его имущества, снова собрались въ кружокъ, но пока о дѣятельности кружка мало слышать. Правда, иногда устраиваются вечера, но на этихъ вечерахъ только и дѣлаютъ, что пьютъ чай и флиртуютъ, словомъ не въ искусство здѣсь дѣло. Въ заключеніе нашей корреспонденціи сообщаемъ послѣднюю черниговскую новость. Изъ нашего городского театра переселились въ думу всѣ крысы, вѣроятно, предчувствуя близкую катастрофу съ театромъ.

ВЯТКА. Сборъ въ театрѣ и безъ того не завидные за все время сезона, предъ праздниками Рождества совершенно упали. Мало поправились они и на праздникахъ. Главная причина этого заключается въ непосильной для театра конкуренціи съ вновь выстроеннымъ здѣсь циркомъ г. Первилья, представленія въ которомъ начались съ 19-го декабря и начались съ небывалымъ здѣсь матеріальнымъ успѣхомъ. Первое цирковое представленіе дало 780 р. сбора, второе—150 р., третье около 800 руб. Съ наступленіемъ праздниковъ дѣла въ циркѣ пошли еще лучше: сборы въ 700 р. перѣлки и доходили, какъ слышно, даже до 900 руб. При такихъ условіяхъ, понятно, театру съ циркомъ бороться не мыслимо... Долго-ли будутъ продолжаться такъ блестяще дѣла въ циркѣ—сказать трудно. Театру же пока приходится зачастую пустовать. Циркъ для вятчей представляетъ своего рода новинку, такъ какъ цирка здѣсь не бывало съ 1888 г. Этимъ собственно и объясняется успѣхъ послѣдняго, отчасти, пожалуй, еще и тѣмъ, что дирекціей цирка выпущены чеки со скидкой 25% съ номинальной ихъ стоимости, между тѣмъ какъ скидка съ театральныхъ чекъ установлена т-вомъ всего лишь въ 10%. Чтобы сколько нибудь поправить свои дѣла товариществу слѣдуетъ или понизить цѣны на мѣста, или-же увеличить % скидки съ театральныхъ чекъ.

Рождественскіе спектакли въ театрѣ начались съ 26-го декабря. Утромъ шелъ «Князь Серебряный», вечеромъ «Борисъ Годуновъ» и «Школьная пара». За тѣмъ прошли слѣдующія пьесы: 27 декабря—«Два подростка» (во 2-й разъ). Пьеса имѣла успѣхъ и пришлась по вкусу здѣшней публикѣ. 28-го утромъ—«Заколдованный Принцъ» и «Школьный учитель», вечеромъ—«Судебная ошибка» и «Волшебный вальсъ», 29-го—бенефисъ П. М. Корсакова «Чужіе» ком. Н. И. Потапенко. 2-й актъ изъ опер. «Лиса Патрикеевна» и вод. «По первой порошѣ». Комедія «Чужіе» прошла вяло и успѣха не имѣла. Бенефициантъ въ роли Бѣлопольцева (отца) былъ, впрочемъ, хорошъ. Артиста принимали горячо; отъ публики ему былъ поднесенъ подарокъ (деньгами). Сборъ былъ полный. Въ циркѣ въ этотъ день представленія почему-то не было. 30-го декабря—бенеф. А. С. Славскаго. Было поставлено: «Горе побѣжденнымъ» и «Подъ солнцемъ юга». Сборъ былъ далеко ниже средняго, хотя и въ этотъ день тоже не было представлений въ циркѣ. Бенефициантъ исполнялъ роли Наполеона и Ратаева. Послѣдняя роль ему, удалась что касается Наполеона, то комуку слишкомъ рискованно братья за такіе роли. Славскому также былъ поднесенъ отъ почитателей его денежный подарокъ. Дальнѣйшій репертуаръ праздничныхъ спектаклей объявленъ слѣдующій: 31 декабря—«Разбойники»—послѣ спектакля—маскарадъ; 1-го января—«Комедія о княжѣ Забавѣ Путятишнѣ»... и «Простушка и воспитанная»; 2-го—«Далила» и дивертисмъ, 3-го—«Демонъ или тайна графа Сень-Жерменъ», 4-го—«Карольрика» и дивертисмъ; 6-го—«Два подростка» (въ 3-й разъ) и «Нѣтъ дѣйствія безъ причины» и 8-го бенеф. В. Г. Медковской и П. А. Алякринскаго—«Джентльменъ» и «Женщина-Отелло».

РИГА. Завѣдываніе рижскимъ русскимъ театромъ, какъ мы слышали, остается и на слѣдующій сезонъ за Драматическимъ Обществомъ. Этому можно только порадоваться, такъ какъ уже въ текущемъ сезонѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, общество это внесло въ мѣстное русское театральное дѣло много хорошаго. Принявъ отъ г-жи Щербаковой театръ съ подорванной вслѣдствіе неумѣлаго и небрежнаго веденія дѣла репутацией, причѣмъ пришлось, чтобы отдѣлаться отъ этой антрепризы принести и немалыя матеріальныя жертвы, общество уже на первыхъ порахъ внесло въ дѣло порядокъ, устойчивость и просвѣщенное направленіе. Благодаря всему этому, несмотря на неизбежныя въ началѣ всякаго предпріятія шероховатости, въ скоромъ времени театральное дѣло видимо улучшилось, и довѣріе публики къ театру замѣтно возросло. «Теперь, замѣчаетъ «Рижскій Вѣстникъ», когда развитіе русскаго театра въ Ригѣ въ административномъ и художественномъ отношеніи можетъ считаться въ значительной степени обезпеченнымъ, пріобрѣтаетъ особенное значеніе вопросъ о театральномъ помѣщеніи». Говорятъ, будто бы городскимъ управленіемъ уже объявленъ конкурсъ на составленіе проекта зданія театра, предназначаемаго для русскихъ представлений. Насколько этотъ слухъ вѣренъ, мы не знаемъ; объявленъ же объ этомъ конкурсѣ мы пока что-то не видали.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Въ текущемъ зимнемъ сезонѣ у насъ играетъ оперная труппа подъ антрепризой Н. А. Борисова. Составъ труппы: г-жи Дигѣстровская, Руджіери, Террѣзіано, Александровская, Борисова и др. и гг. Бильскій, Розенауэръ, Ильѣшевичъ, Маракинъ, Ландратъ, Морозовъ, Тренинъ и др. Директоры А. А. Эйхенвальдъ и Ф. А. Демидовичъ. Режиссеръ В. П. Павинъ. Сборы во все время хороши. Репертуаръ оперный: «Жизнь за Царя», «Демонъ», «Аида», «Паяцы», «Аскольдова могила», «Риголетто», «Трубадуръ», «Карменъ», «Фаустъ». Опереточный: «Мартынъ Рудокопъ», «Цыганскій, Баронъ», «Зеленый островъ» и др.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

1898 г.

Открыта подписка на журналъ

1898 г.

ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО

(II-й годъ изданія).

Журналъ „Театръ и Искусство“ будетъ издаваться въ 1898 г. по прежней программѣ и съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Въ 1897 г. помѣщены были произведенія слѣдующихъ лицъ:

Авсѣенко В. Г., Александрова Н. А., Арбеинна Н. Ф., Бастунова Э. Д., Бентовипа В. И., Гешкена В. Г., Гиблича П. П., Далматова В. П., Дьянова А. И., Карѣева М. В., Карпова Е. П., Каторозовскаго И. М., Кояловича М. М., Кравченко Н. И., Кугеля А. Р., Лещскаго Ал. П., Немировича-Давченко Вл. И., Плещеева А. А., Потапенко И. Н., Преображенскаго В. П., проф. Сакетти Л. А., Соломко С. С., Тихонова В. А., Федорова Н. Ф., Фруга С. Г., Южнаго М. Г., Яснискаго I. I. и др.

Кромѣ названныхъ лицъ, обѣщано сотрудничество:

Вейнберга П. И., Блейхмана Ю. И., Голицына кн. Д. П., (Муравлина), Корнифскаго А. А., Немировича-Давченко Вас. И., проф. Соловьева Н. Ф. и пѣк. др.

Сочувствіе читающей публики позволяетъ выѣсть съ значительнымъ улучшеніемъ содержанія и внѣшняго вида журнала, увеличить объемъ печатнаго матеріала. Кромѣ пьесъ (отдѣлъ литературно-драматическій), по мѣрѣ накопленія матеріала, подписчики будутъ получать выпуски критико-біографическаго иллюстрированнаго словаря

„Современныхъ дѣятелей сцены“,

куда войдутъ портреты, біографіи и характеристики, причѣмъ выдающимся дѣятелямъ будутъ посвящены обстоятельныя статьи. Для удобства подписчиковъ, словарь будетъ печататься въ книжномъ форматѣ. Усилахъ подобнаго обширнаго труда зависить во многомъ отъ поддержки и сочувствія сценическихъ дѣятелей, и редакция обращается съ покорѣйшей просьбой ко всѣмъ безъ изъятія артистамъ и артисткамъ, концертантамъ дирижерамъ, драматическимъ писателямъ, композиторамъ, критикамъ, столічнымъ и провинціальнымъ, преимущественно къ тѣмъ коихъ фамиліи (сценическія) начиваются на первыя буквы алфавита прислать въ возможно скоромъ времени въ редакцію біографическія и сценическія свѣдѣнія, а также имѣющіеся литературныя матеріалы, который по мнновеніи надобности, будутъ возвращены съ благодарностью

Подписная цѣна на годъ съ доставкою . . . 6 р.

„ „ „ полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и по 2 р. 1 марта и 1 июня.

Подписка принимается въ конторѣ: С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Въ Москвѣ разныя продажа и подписка въ конторѣ Н. Печковской.

Редакторъ Я. Кугель.

Издательница З. Тимофеева (Холмская)

Открыта подписка на 1898 г.

На русском языкѣ изящное и самое дешевое издание

Новѣйшихъ парижскихъ модъ

при газетѣ „Новости Сезона“.

МОДЫ выходятъ еженедѣльно одновременно въ Парижѣ и Москвѣ,

представляя на русскомъ языкѣ точную конію распространяемаго Парижскаго моднаго журнала, расходившагося во Франціи въ 300.000 экземпляровъ. Въ каждомъ номерѣ 8 страницъ, до 25 рисунковъ, обширный текстъ на русскомъ языкѣ и одна страница въ картинкахъ.

При каждомъ № безплатно вырѣзана выкройка, которая отдѣльно не продается.

Годовые подписчики получаютъ: 300 номеровъ газеты, посвященной вопросамъ театра, искусства и спорта съ романами, повѣстями, рассказами и т. п. 52 номера модъ (до 1300 рисунковъ), 52 вырѣзаны выкройки.

На годъ съ газетою: въ Москвѣ съ доставкой 6 руб., съ пересылкою на города 7 руб., на полгода въ Москвѣ 3 руб., на города 3 руб. 50 коп. Отдѣльные номера модъ 15 коп. Пробные №№ модъ высылаются за 15 коп. почтовыми марками. Главная контора: Москва, Тверская ул., д. Гиршманъ, кв. 27. (3—2)

Открыта подписка на 1898 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

политическій, литературно-художественный и сатирическій съ карриатурами.

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ вступаетъ въ 40-й (юбилейный) годъ своего существованія. „Развлечение“ въ 1898 году, не называясь подписной платой 6 руб., дастъ своимъ подписчикамъ: 1) Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ, извѣстныхъ карриатуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ выѣщать въ себѣ массу художественныхъ рассказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинціальныхъ злобы дня и курьезы будутъ помѣщаться въ текстѣ и рисункахъ. 2) Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей и, между прочимъ, будетъ иллюстрирована извѣстная поэма Н. А. Некрасова „Кому нивется весело вольготно на Руси“. (Иллюстраціи—эти полны захватывающаго интереса по своему художественному исполненію). 3) Въ память сорокалѣтняго юбилея будетъ выпущенъ и разосланъ годовымъ подписчикамъ юбилейный номеръ.

Въ будущемъ 1898 г. редакція журнала „Развлечение“ устраиваетъ,

КОНКУРСЪ

НА ЛУЧШЕ ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

За лучшіе четыре первыхъ разсказа назначаются преміи: за первый разсказъ 500 р. и золотой именной жетонъ; за второй—300 р. и таной же жетонъ, за третій и четвертый разсказы по 100 р. и серебряные именные жетоны.

Условія конкурса: 1) Участниками конкурса могутъ быть всѣ желающіе. 2) Выборъ темъ предоставляется автору. 3) Тема должна вполне соответствовать цензурнымъ условіямъ. 4) Разсказы должны заключать въ себѣ не болѣе 200 печатныхъ строкъ въ столбецъ журнала (считая въ два столба въ страницѣ). 5) Одно и то же лицо можетъ помѣщать нѣсколько разсказовъ подъ разными псевдонимами (причемъ точный адресъ автора долженъ быть извѣстенъ редакціи). 6) Разсказъ, представленный на конкурсъ, долженъ быть оригинальный и раніе нигдѣ не напечатанъ. 7) Срокъ присылки разсказа по 1-е мая 1898 года, включительно. 8) Разсказы, присланные на конкурсъ, по выбору редакціи, будутъ печататься въ журналѣ съ 1-го января по 1-е ноября 1898 года. 9) Авторы напечатанныхъ разсказовъ, на конкурсъ не удостоившіеся денежной преміи, получатъ отъ редакціи по серебряному именному жетону. 10) Преміи присуждаются болыпствомъ голосовъ подписчиковъ журнала „Развлечение“. 11) Всѣ имена подписчиковъ, приславшихъ свои отзаны о конкурсныхъ разсказахъ, будутъ напечатаны въ особомъ приложеніи. 12) Отзаны должны быть приложены не позже 15 декабря 1898 г. Годовая цѣна журнала шесть рублей. Допускается рассрочка: при подпискѣ три руб., въ мартѣ одинъ р., въ апрѣлѣ одинъ р. и май одинъ р. (Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки). Адресъ: Москва, журналу „Развлечение“.

(3—2)

„РИЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

въ предстоящемъ 1898 году вступаетъ въ XXX-й годъ своего существованія. „Рижскій Вѣстникъ“, газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, рассматривая явленія мѣстной жизни съ русской государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ Имперіею.

Русскія начала постепенно утверждаются въ Прибалтійскомъ краѣ, русское общество возрастаетъ; соответственно тому, расширяются и усложняются и задачи мѣстной русской печати. Побуждаемая расширеніемъ круга читателей и внутреннимъ ростомъ изданія, подъ вліяніемъ котораго настоящіе рынки его становятся тѣсны, редакція приняла мѣры, чтобъ съ 20 декабря 1897 г. „Рижскій Вѣстникъ“ выходилъ въ значительно увеличенномъ форматѣ, причемъ, конечно, будетъ соответственно разнго и содержаніе газеты. Это расширение изданія не требуетъ никакихъ жертвъ отъ читателей, такъ какъ подписная плата остается прежняя.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, вечеромъ. Редакціей приняты мѣры къ тому, чтобъ газета была отправлена многогороднымъ подписчикамъ съ почтами, отходящими въ день выхода номера газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ пересылки и доставки:	Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ.
На годъ . . . 6 руб. — коп.	На годъ 8 рублей
„ полгода . 3 „ — „	„ полгода . . . 4 „
„ 3 мѣсяца . 1 „ 50 „	„ 3 мѣсяца . . 2 „
„ 1 мѣсяцъ . — „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ . . 1 „

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкою на годъ ПЯТЬ руб. и на полгода ТРИ руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ. (3—3)

За границу на годъ 14 руб., на полгода 7 руб., 3 мѣсяца 3 руб. 50 коп., 1 мѣсяцъ 1 руб. 75 коп.

Подписка принимается:

въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу больш. и малой Грѣшной ул., д. Лившица № 27/2.

Редакторъ Л. И. Витовскій.

Man abonnire

auf den

St. Petersburger

„Herold“

und überzeuge sich

dass der

„St. Petersburger Herold“

das grösste, reichhaltigste und gelesenste
in deutscher Sprache erscheinende

Blatt Russland's ist.

Der „ST. PETERSBURGER HEROLD“ wird wie in den 33 Jahren seines Bestehens stets bemüht bleiben seinen Lesern einen an Gediegenheit und Mannigfaltigkeit reichen Lesestoff zu bieten.

Die stetig wachsende Verbreitung des „ST. PETERSBURGER HEROLD“ spricht für den Vorzug seines Inhaltes, daher finden auch

INSERATE

im „St. Petersburger Herold“ die

wirksamste Verbreitung.

Probenummern gratis und franco.

Abonnementspreis:

In St. Petersburg:	Im Innern des Reiches:	Für's Ausland:
1/1 Jahr . . Rbl. 13.—	Rbl. 14.—	Rbl. 21.—
1/2 „ „ „ „ 7.50	8.—	11.—
1/4 „ „ „ „ 4.—	4.50	6.—

Bestellungen richte man:

Въ Главную Контору

„С.-Петербургскаго Герольда“

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп. № 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г.

С.-Петербургскія Вѣдомости

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ наземныхъ прибавлений.

Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ—16 р., на 6 мѣс.—9 р.
на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.
Съ пересылкою погородомъ на годъ—17 р., на 6 мѣс.—10 р.,
на 3 мѣс.—6 р. 50 к., на 1 мѣс.—2 р.
За границу на годъ—26 р., на 6 мѣс.—14 р., на 3 мѣс.—8 р.,
на 1 мѣс.—3 р. (3—2)

Съ наземными прибавлениями.

Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ—18 р., на 6 мѣс.—10 р.
Съ пересылкою погородомъ на годъ—19 р., на 6 мѣс.—11 р.
За границу на годъ—28 р., на 6 мѣс.—16 р.
Подписка на газету съ наземными прибавлениями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу ввѣнныя прибавления не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелѣ (Невскій пр. № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь Э. Э. Хитомскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

въ 1898 году (шестой годъ изданія).

Редакція „Нижегородскаго Листка“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время широкое мѣсто интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Н. П. Ашѣтовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волковъ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. А. Голынецъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Пилановичъ, Вл. Г. Коростенко, П. И. Косевичъ, В. А. Мосолова, А. Д. Мысоевскій, М. А. Плутинковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пышковъ (М. Горькій), К. М. Стинковичъ, В. Е. Чешихинъ, Е. К. Чириковъ (Е. Валентъ), А. А. Штенъ и мн. др.

Съ конца октября 1897 г. въ „Нижегородскомъ Листкѣ“ будетъ помѣщаться ежедневно послѣдній романъ Э. Золя

„ПАРИЖЪ“

одновременно съ печатаніемъ этого романа во Франціи.

Подписная цѣна на 1898 годъ:

Для городскихъ подписчиковъ на 1 мѣс. 1 р., 2 мѣс. 1 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к., 4 мѣс. 2 р., 5 мѣс. 2 р. 50 к., 6 мѣс. 3 р., 7 мѣс. 3 р. 50 к., 8 мѣс. 4 р., 9 мѣс. 4 р. 50 к., 10 мѣс. 5 р., 11 мѣс. 5 р. 50 к., 12 мѣс. 6 р.

Для иногороднихъ подписчиковъ на 1 мѣс. 1 р. 25 к., 2 мѣс. 1 р. 50 к., 3 мѣс. 2 р., 4 мѣс. 2 р. 75 к., 5 мѣс. 3 р. 50 к., 6 мѣс. 4 р., 7 мѣс. 4 р. 50 к., 8 мѣс. 5 р., 9 мѣс. 5 р. 50 к., 10 мѣс. 6 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., 12 мѣс. 7 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допущается разсрочка: при подпискѣ 1 руб. 50 коп. и по 50 коп. ежемесячно 20 числа, начиная съ января 1898 г. до уплаты подписной суммы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Нижн.-Новгородѣ: а) въ главной конторѣ „Нижегородскаго Листка“, Большая Полянка, домъ Присѣпикова, б) въ конторѣ П. И. Телькова, Нижній Базаръ, новая биржа, в) въ книжномъ магазинѣ А. И. Попова, Осыпная улица. 2) Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы „Нижегородскаго Листка“ при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторѣхъ объявленій торговаго дома Л. и Я. Медаль и К^о. 4) Въ Нижнемъ—у Т. В. Ильичева. 5) Въ Козьмодемьянскѣ—у М. В. Червела. 6) Въ Перми—у Г. Зейделя, Монастырская. д. 18 агентство „Нижегородскаго Листка“. 7) Въ Арзамасѣ—въ антекѣ Мосинина. 8) Въ Василь-Сурскѣ—въ антекѣ М. И. Ликелевича и у нотариуса Н. К. Владиміревскаго. 9) Въ с. Лысковѣ—у А. А. Наварина. 10) Въ Балахнѣ—у бухгалтера земской управы Р. М. Чикалрина и въ магазинѣ Ф. П. Рябова. 11) Въ Зашт. гор. Починкахъ—у нотариуса И. В. Блянова и въ антекѣ Ф. Ф. Зелинца. 12) Въ с. Павловѣ—въ первомъ Обществѣ погребителей. 13) Въ с. Городцѣ—въ антекѣ Серебрякова. Въ Семеновѣ—у секретаря земской управы А. В. Шуби на. 14) Въ с. Богородскомъ—въ антекѣ Е. М. Изельсона. 15) Въ Сормовѣ—въ лавкѣ Общества потребителей. 16) Въ Самартѣ—въ книжномъ магазинѣ Ушакова. 17) Въ Владимірт губ.—въ книжномъ магазинѣ Иванова. 18) Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ—въ книжномъ магазинѣ Еремину.

Редакторъ-издатель Г. Н. Казачковъ.

(3—2)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Симбирскія Губернскія Вѣдомости“

на 1898 годъ.

Неоф. часть „Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей“ по прежнему будетъ выходить два раза въ недѣлю: въ среду и субботу и издается отдѣльно отъ неоф. части. Имѣясь единственными органами печати для Симбирской губерніи, Губернскія Вѣдомости ставятъ своей задачей, главнымъ образомъ, служить мѣстнымъ интересамъ, для чего будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать ихъ мѣстнымъ органомъ печати въ широкомъ смыслѣ этого слова, но вѣсѣтъ ст. тѣмъ редакція не будетъ упускать интересовъ жизни и всей нашей великой родины. Программа изданія: 1. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства. 2. Обзоры печати. 3. Мѣстныя хроника. 4. Вѣсти и факты. 5. Областные свѣдѣнія. 6. Театръ и музыка. 7. Сельское хозяйство и земледѣльческія промышленности. 8. Разныя личности. 9. Справочный отдѣлъ (свѣдѣнія практическаго характера). 10. Библиографія. 11. Фельетоны. (Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ безличностическихъ произведеній, редакція будетъ давать, развѣ въ недѣлю, обзоры журналовъ и научные фельетоны.)

Редакція желая придти на помощь нуждающимся лицамъ, ищущимъ какихъ либо занятій или работъ, вѣдла возможнымъ принимать отъ нихъ объявленія съ предложеніемъ услугъ и труда для помѣщенія въ газетѣ бесплатно. Таковыя объявленія принимаются исключительно у редактора неоф. части Горчакова (Бѣляевскій пер., д. Шаумана, ежедневно, отъ 5 до 6 ч. вечера, исключеніемъ праздничныхъ дней).

Подписная цѣна на одну неоф. часть: съ доставкой и пересылкою на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 75 коп. Безъ доставки на годъ 2 руб., на полгода 1 руб. На меньшіе сроки подписка на одну неоф. часть не принимается. Подписка принимается: въ типографіи „Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей“ (Бол. Саратовскій ул. д. Зеленикова), у полиграфіеистеронъ, уѣздныхъ исправниковъ и станковыхъ приставовъ. Отдѣльные номера продаются по 5 коп. въ типографіи и у разносчиковъ. (3—2).

Открыта подписка на 1898 годъ на газету Првазовскаго брая

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

XVII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Редакція „Таганрогскаго Вѣстника“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной, экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна безъ доставки: на 12 мѣс. 6 р.; на 11 мѣс. 5 р. 50 к.; на 10 мѣс. 5 р. 25 к.; на 9 мѣс. 4 р. 75 к.; на 8 мѣс. 4 р. 50 к.; на 7 мѣс. 4 р.; на 6 мѣс. 3 р. 50 к.; на 5 мѣс. 3 р.; на 4 мѣс. 2 р. 75 к.; на 3 мѣс. 2 р. 25 к.; на 2 мѣс. 1 р. 50 к.; на 1 мѣс. 75 к.

Съ доставкой и пересылкою: на 12 мѣс. 7 р.; на 11 мѣс. 6 р. 50 к.; на 10 мѣс. 6 р.; на 9 мѣс. 5 р. 50 к.; на 8 мѣс. 5 р.; на 7 мѣс. 4 р. 50 к.; на 6 мѣс. 4 р.; на 5 мѣс. 3 р. 50 к.; на 4 мѣс. 3 р.; на 3 мѣс. 2 р. 50 к.; на 2 мѣс. 1 р. 70 к.; на 1 мѣс. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ конторѣ редакціи, Николовская улица, домъ № 5-й.

Тарифъ за объявленія: За строку петита или занимаемое ею мѣсто: на 1-й страницѣ: за 1-й разъ 20 к., за послѣдующіе 10 к. на 4-й страницѣ: за 1-й разъ 10 к., за послѣдующіе 5 к.

Объявленія для газеты „Таганрогскій Вѣстникъ“ отъ фирмъ, лицъ и учреждений, находящихся въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, прибалтійскомъ, приисланискомъ краяхъ и заграничѣ (за исключеніемъ объявленій желѣзныхъ дорогъ, банковъ, пароходныхъ и страховыхъ обществъ, казенныхъ и благотворительныхъ учреждений и безплатныхъ объявленій отъ разныхъ періодическихъ изданій) принимаются исключительно только въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Я. Медаль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Смирдонова и въ его отдѣленіи, въ С.-Петербургѣ на Большой Морской № 11, по отъ агентуры и отдѣленій находящихся въ вышепомянутыхъ мѣстностяхъ, приемъ объявленій относится въ редакцію и за ея счетъ.

Издатель М. А. Мироновъ.

Редакторъ М. И. Красновъ

(3—2)

Я УПОТРЕБЛЯЮ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ

для рощенія волосъ и противъ перхоти на головѣ.

При покупкѣ Элеопата просимъ требовать только

ЭЛЕОПАТЪ**КИНУНЕНЪ**

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна флакону 1 р. 50 к., съ пересылкою въ Европ. Россію 2 руб.

Подробное наставленіе о способѣ употребленія находится при каждомъ флаконѣ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Адресъ для писемъ: Петербургъ, провизору Кинумену, Демидовъ пер., д. № 1.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕ ДЕРЪ“

РЕКОМЕНДУЕТЪ

для нѣжности и бѣлизны кожи

• **МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ** •

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе почтеннѣйшей публики, что въ продажѣ существуетъ много сортовъ вазелинового мыла, въ большинствѣ случаевъ сходныхъ по вѣшнему виду съ нашимъ мыломъ, но качествомъ своимъ ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, почему и просимъ, желающихъ имѣть настоящее вазелиновое мыло, требовать всегда **„МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ“** съ торговой маркой на каждомъ кускѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Цѣна за кусокъ 30 коп.

Коробка въ 6 кусковъ 1 руб. 50 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ, С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 120 (11—11)

Въ Среда, 21 Января 1898 г.

ЗАЛЪ ГОРОДСКАГО КРЕДИТНАГО ОБЩЕСТВА

въ 8 час. вечера

КОНЦЕРТЪ ПѢВЦОВЪ КВАРТЕТА

УДЭЛЬ (изъ Вѣны).

Рояль фабрики Я. Беккера

Билеты отъ 5.10 до 1.10 въ музыкальномъ магазинѣ Югансона, Невскій, 50.

№ 151 (1—1)

Во Вторникъ, 27 Января 1898 г.

ЗАЛЪ ГОРОДСКАГО КРЕДИТНАГО ОБЩЕСТВА

въ 8 час. вечера

КОНЦЕРТЪ

ЭМИЛЯ ЗАУЭРА

(CLAVIERABEND).

Рояль фабрики Я. Беккера.

Билеты отъ 5.10 до 1.10. въ музыкальномъ магазинѣ А. Югансона, Невскій, 50.

№ 130 (1—1)

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсеенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будищева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“ шутка Немвродова. Ц. 50 к., „Мопсикъ“, шутка 1 д. Б. Бенговина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртеньева“. др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“ Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта Ц. 1 р., „Волшебная сказка“ Ц. 2 р.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку ничего не платятъ. При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%. При выпискѣ журнала за 1897 г., названныя пьесы получаютъ въ видѣ бесплатныхъ приложеній.

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 17 Января 1898 г.

Въ гор. Ломжу

(губернскій Царства Польскаго)
Съ 1-го Января 1898 г. и на весь

Великій постъ

ЖУЖИЦЫ

артисты и артистки.

Предложенія адресовать въ городъ Ломжу, театр, распорядителю товарищества Н. А. Школьскому. Никакихъ авансовъ не высылаются.

НОВАЯ КНИГА.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга:

„Разбитые кумиры“

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. А. ТИХОНОВА.

G—II

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга:

РУССКІЕ РОМАНСЫ.

(МУЗЫКАЛЬНЫЕ ШЕДЕВРЫ).

Съ портретами ихъ исполнителей: М. И. Долиной, Е. К. Мравинной, Н. Н. Фигнера, И. А. Мельникова, П. А. Хохлова, Г. В. Тартакова, А. Я. Черцова, Л. Г. Яковлева и А. Д. Давыдова.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, В. Московскій, д. 11, кв. 19. (4—4)

Типографія Я. И. Либермана, Фонтанка, 86.